

РАДУГА,

ЖУРНАЛЪ

**ФИЛОСОФІИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

съ

присовокупленіемъ

**ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,**

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка шестая.

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ типографіи наследниковъ Линдфорса.

Р А Д У Г А.

ДУХЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

»Мыслителей всякаго вѣка можно раздѣлить на два разряда: во первыхъ на такихъ копорые всему вѣрятъ, во вторыхъ на такихъ, копорые не вѣрятъ ни чему. Во время Римскаго Церковнаго владычества первый разрядъ составлялъ въ Германіи большинство: но со времени Реформаціи мыслители втораго разряда до такой степени умножились въ ней, что, подрывъ всякое основаніе вѣденія, они свергнули умъ человѣческій въ океанъ сомнѣній и неизвѣстности.« Такъ говоритъ одинъ Англійскій журналъ (см. *Blätter für literarische Unterhaltung*, Januar 1831), упрекая Нубура за то, что онъ низпровергаетъ авторитетъ почти всѣхъ исповѣдовъ, на копорыхъ основаны наши свѣденія о Римѣ.

Всякій, кто знакомъ съ Исторіею Литературы Нѣмецкой, и свободенъ отъ предубѣжденій и мечтательности, согласится, что по крайней мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ замѣчаніе Англичанина справедливо и можетъ имѣти ко всѣмъ ученымъ занятіямъ въ Германіи, не къ однимъ историческимъ, и еще болѣе, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, къ занятіямъ философскимъ.

Нѣтъ сомнѣній, что самодѣятельность есть украшеніе духа человѣческаго, есть одно изъ качествъ уподобляющихъ его Богу. Нѣтъ сомнѣній, что живой духъ человѣка долженъ самъ собою дѣйствовать, спремысь къ описканію тѣхъ истинъ, кошорыя доступны ему и нужны въ земномъ пригопвленіи его къ небесной жизни. Но нѣтъ также сомнѣній и въ томъ, что эта самодѣятельность дана человѣку отъ Бога, и дана для того, чтобы онъ былъ подобенъ ему, и чтобы могъ доспойнѣе всѣхъ прочихъ пварей прославлять любовь Божию, прославлять какъ существо въ полномъ смыслѣ живое, божеспвенно-живое; а не для того, чтобы, павъ и опуманѣвъ, употреблять ее орудіемъ для утвержденія самобытности своей въ шуманной своей обласпи и независимости отъ источника свѣта, и не для того, чтобы въ подземной обипеди

своей строишь свои міры. — Взгляните на Литературу въ послѣдніе годы въ Германіи. Посмотрите, до чего дошла эта самодѣлительность. Прочтите хотя не всѣ журналы года за чепыре послѣдніе: прочтите хотя главныя сочиненія послѣднихъ годовъ: это рынокъ, это жидовская синагога: тысячи голосовъ кричатъ, поютъ, всякой свое и на свой ладъ; и всякому хочется слышать другихъ бытъ; всякому хочется другихъ заглушить; всякій хочетъ бытъ капельмейстеромъ, запѣвалой. Во все безъ увеличенія и ни мало не аллегорически должно сказать, что всякой, кто хотя нѣсколько часовъ пожертвуетъ на внимательное прочтеніе какого нибудь разнообразнаго ученаго журнала Нѣмецкаго, всякій долженъ почувствовать какой-то бы чадъ въ головѣ.

И сколько уже времени продолжается эта ярмарка умственная въ Германіи! сколько уже времени на этой биржѣ умственной одинъ банкиръ смѣняетъ другаго, поочередно овладевая ходячимъ курсомъ! Явился какой нибудь оброчливый торговецъ Кантъ; разпоргуется, заведетъ обширный магазинъ, разведетъ вездѣ свои лавки, — и пошли всѣ у него скупать выдуманную истину. Гдѣ нибудь на другомъ концѣ биржи разпоргуется Фихте, и торговля бѣднаго Канта подорвана, Кантъ

обанкропился, и кучами мелочные торговцы къ Фихтне обращаются. Вошъ является Шеллингъ, ругаетъ безпощадно повары Фихтневы, ловкіе коммиссіонеры распростираютъ славу его собственныхъ товаровъ, и вошъ — Шеллингъ и компанія владычествуютъ на биржѣ и по произволу повышаютъ и понижаютъ курсъ. Но вошъ заложилъ коншору и фабрику испины вышедшій изъ прикащиковъ Шеллинговыхъ Гегель: его поваръ разславленъ, — и всѣ къ нему валяптъ, и Шеллингъ забытъ. Онъ изъ отдаленнѣйшаго источника добываетъ испину, обрабатываетъ ее по самымъ зашѣйливымъ, и самому Шеллингу неизвѣстнымъ, фасонамъ. И ш. д.

Узнали наконецъ и въ Гегелевыхъ поваряхъ поддѣлъ. Но чію пользы? Куда обратились за истиною? Сопни торговецъ пользуясь расположеніемъ множества, заводяптъ свои коншоры и фабрики испины и овладеваютъ тысячами торгашей побѣднѣ. И только немногіе при соединяются къ очень немногимъ, и догадываются, кажется, наконецъ, что испина совсѣмъ не поваръ, и что почно также, какъ не сыщешь ее за придевять земель, въ придесятомъ Государствѣ, въ Греціи, въ Эгиптѣ, въ Индіи, что почно также не лѣзя добышь ее и въ Каншовыхъ крипикахъ, и въ

трансцендальномъ идеализмѣ Шеллинговомъ и въ Гегелевой логикѣ; кажется догадывающа, что собственное сердце челоѣка есть та земля, въ которой роспелъ хлѣбъ живой Истины, и догадывающа, что не то въ сердцѣ челоѣка хлѣбъ живой Истины, что зарождено въ немъ Гегелемъ или Платономъ или и собственнымъ умомъ, а то, что получаетъ въ немъ начало отъ Духа Истины, ни къмъ инымъ, какъ только Богомъ ниспосылаемаго, и не ради кого иного, какъ ради Бого-челоѣка; и догадывающа кажется, что никакое иное сердце не плодотворишь сей Духъ Истины, какъ только то, которое себѣ и земли совершенно опверглось, которое Распятому сораспалось, и которое во всѣ мгновѣнія жизни своей всѣми оружіями силится прошивоборствовать, безпрѣстанно нападающимъ на него, *себѣ и землѣ*, и во всѣ мгновѣнія жизни не перестаетъ сораспинаться Распятому.

Догадывающа, но не многіе; и догадываясь, не хотѣя въ видѣть ясно и исполнишь. Жалко распинался любезнымъ своимъ я, жалко покинуть прелестныя садики земли. И что же дѣлаюшь? Свѣтъ превѣчный усиливается приспособить къ земнымъ расчетамъ и Свѣту превѣчному приписываюшь тѣ дѣла, подъ копорыми привыкли видѣть предметы сквозь разныя

бушылочныя спекла своего ума. Какъ отка-
заться опть земли, такою повидимому невин-
ною дружною къ себѣ привязывающей? какъ
разбить бушылку, въ которую умъ еще ма-
ленькимъ огурчикомъ будучи засаженъ до та-
кой сшепени выросъ, что никакъ не можешь
быть вынуть изъ нея, чтобы вполнѣ поды-
шать чистымъ воздухомъ и оживиться со
всѣхъ сторонъ свѣтомъ благодыпельнаго сол-
нышка?

Много философовъ можно бы нащипать,
которые въ послѣднее время прямо къ солнцу
Истины обратились. Но что это за обра-
щеніе? Едва, едва не такое же, какъ обращеніе
подсолнечника. Опорвался ли ктонибудь изъ
нихъ вовсе опть земли и опть себя? Опважился
ли ктонибудь изъ нихъ, сжечь топъ шкапъ
въ головѣ, въ которомъ, какъ въ музеумъ рѣз-
ложена вся природа по полочкахъ? Въ силахъ
ли былъ разорвать и бросить изъ головы
ту паушинную сѣтку, которою уловить хо-
чешь Истину?

Въ живой ли Свѣтъ, въ живую ли Истину
увѣровали они всѣ, когда вообще еще не пе-
респали мечтать, что могутъ *знать*, по
своему *знать* живой Свѣтъ, живую Истину?
Можно знать Истину: но что значить *знать*
ее? Этого-то они не знаютъ. Они не знаютъ

даже какого залога глаголь: *знать Истину*. Они думаютъ что онъ дѣйствительнаго залога, думаютъ что знаютъ Истину есть тоже что имѣть Истину, обладать Истиною. Или можетъ быть думаютъ, что онъ средняго залога, что знаютъ Истину значить смотрѣть на Истину изъ независимой отъ нея точки. Или можетъ быть принимаютъ его за взаимный глаголь: знаютъ Истину и быть знаему Истиною, или даже за возвращенный: знаютъ себя вмѣсто Истины. Нѣтъ, *знать Истину* есть глаголь чисто спрадасельный: пагаснуть умомъ своимъ, умолкнуть волею своею, испѣть своимъ плѣомъ, перестать быть самимъ собою, стать частицею Истины, ея вѣщью, быть Духомъ ея проникнушу до глубины души, не въ умъ созерцать ее, а въ сердце ея препенать и въ крови спруиться ею: вопъ что значить *знать Истину*.

Не такъ знаютъ Ее мисики Германіи: они ее знаютъ *точно также, какъ большая часть ея лжемудрователей знаютъ ложь свою*.

Къ счастью, вѣрно суждено опвлеченнымъ мудрованіямъ Нѣмецкимъ, какъ то: Гегелевщинѣ, Шеллинговщинѣ и п. п. оспаваться опвлеченными и удаленными отъ жизни. Какъ ни порывались они изъ школьной области низойти и проникнуть въ жизнь, въ кровь, ни-

какъ не смогушъ. Благое Провидѣніе поставило грани ихъ могущесиву. Еще недавно, послѣ Коинверзаціонслексикона и Кругова Словаря, надѣлавшихъ столько скороспѣлокъ Философовъ, еще недавно одинъ изъ знаменитыхъ систематиковъ издалъ крапкій курсъ систематической философіи для всеобщаго употребленія: но едвали удался ему имѣшь какойнибудь успѣхъ. Ничто, одѣтое въ снѣговую ткань знанія умственнаго, а не сердечнаго, — вся философія новѣйшая до шѣхъ только поръ и кажется еще чѣмънибудь, пока за снѣговою линією носится. Тамъ, кажется, и солнце въ ней играетъ; туда смонря снизу на нее, удивляется ей и покланяется ей толпа, только снаружи не спялая. Но зашѣй, лишь она оснавишь высоты свои, попробуй сойди въ долины дѣйствительной жизни: снѣговая ткань абсолютнаго языка — распадется, и — ничто въ ничто обратится.

Многіе въ Германіи жалуются, что вообще въ Словесности не являются нынѣ великіе дѣйствователи, гении, какъ Гёте, Шеллингъ, Кантъ, Шиллеръ, Жан-Поль и пр. Многіе же на это говорятъ, что, когда являлись и овладѣвали Европейскою славою эти гении, тогда просвѣщеніе было не такъ всеобще въ Германіи, какъ нынѣ и увѣряютъ, что будто

теперь множество Шиллеровъ и Шеллинговъ, и что попомню, что ихъ такъ много, они и не замѣтны. Дарованія Шиллеровъ и Шеллинговъ, видѣтели, сдѣлались общимъ достояніемъ; и читатели, видѣте, также поднялись до степени Шиллеровъ и Шеллинговъ. Какъ кому угодно, а я думаю, что жалобы справедливы, а объясненіе забавно. Стоить только познакомиться съ литературою Нѣмецкой, чтобы быть эгогоже мнѣнія. Тысячи маленькихъ философовъ, стихопворцевъ, прозаисповъ, ученыхъ всякаго рода, шумящъ какъ мухи лѣтомъ въ избѣ крестьянской и роями альманаховъ, журналовъ, брошюрокъ, какъ тѣ вокругъ хлѣба куска или чашки со щами, толпящаяся и кружащая вокругъ зажиточныхъ книгопродавцевъ-издателей. Но какая этому причина? Какъ какая? сказалъ бы иной, знающій дѣло получше. Какая причина тому, что послѣ Пепрова дни такое чириканіе и щебетаніе идетъ по рощамъ и лугамъ, а ни соловьевъ ни кукушекъ не слышать? Разумѣется какая: та, что пора прошла. А то неужли сказать, что даръ пѣсней соловьиныхъ спалъ общимъ достояніемъ ппашекъ, и воробы и чѣчотки соловьями подѣлались?

Тоже самое и съ философіею. Не показываются, слава Богу, больше ни Канты, ни Шел-

линга, ни Гегеля: по всё философствуютъ, всё умствуютъ; все философствуютъ и умствуютъ что попишутъ и дышатъ. Въ трагедіяхъ умствуютъ, въ романахъ умствуютъ, въ пѣсняхъ умствуютъ; не лѣзя издавъ путешествія не наполнивъ его умствованіями. Анатомъ вмѣсто того, чтобы косточки разбирать, умствуетъ. Физиологъ, чѣмъ бы явленія органической жизни наблюдать, умствуетъ. Историкъ не рассказываетъ, а умствуетъ. Географъ, Этнографъ не описываютъ, а умствуютъ. Астрономъ не движенія звѣздъ измѣряетъ, а міръ по своему умствованію пересоздаетъ. Богословъ не вѣровавъ учить и учиться, а умствовать о вѣрованіи. Умствуютъ газетчикъ въ разныхъ извѣстіяхъ своихъ, умствуетъ книгопродавецъ въ каталогѣ, умствуютъ въ объявленіяхъ, въ афишкахъ, вездѣ. Опъ чего это? неужели опъ того, что всё стали философами, Шеллингами, Гегелями? Просто, кажется, опъ того, что такая пора настала.

Опжила Германія свой вѣкъ жизни и подвиговъ, опжила вѣкъ мужескаго возраста своего. Насталъ для нея вѣкъ спароспи, говорливой, дряхлой, созерцательной, вѣкъ раз-умѣнія, вѣкъ химическаго разложенія всего прежде созданнаго. И самый Гегель и все множество систематиковъ подражателей его — одни предшавители

старости Германіи. И всѣ порывы новенькихъ мыслипелей бытъ системашиками суть не что иное, какъ самыя ясныя доказательства шарчскости вынѣшней Германіи. Да и что такое собственно *система*? морщины ума, размѣжевавшія все знаніе его по отдѣленьицамъ. Знаніе ума мужескаго возраста, Можетъ бытъ и ложное, но свѣжо, живо, цвѣтуще, не разгранено стѣпочками, обильно — какъ природа, во всей южной красотѣ своей. Но когда начнешь свѣрѣшь въ душѣ челоуѣка, когда настанетъ осень жизни, когда зима приближается: то все, что поля, сады и огороды принесли, хозяинъ-умъ размѣщаетъ по жилищамъ, анбарамъ, погребамъ, кладовымъ и о томъ только заботишься, чтобы все, что знаніе его заключаетъ, лежало, спояло, висѣло въ порядкѣ, чтобы, когда что понадо- бишся, легко было найти.

Да, старость, старость обуяла Германію. О порядочномъ размѣщеніи познаній по закромамъ хлопочуть хозяева - умы въ ней. Все чтобы на своемъ мѣстѣ было, когда понадо- бишся. А почему такъ много пишуть, такъ много говорятъ? Чтожъ дѣлаешь? старость брюзглива, а хозяевъ много. Спорятъ куда что лучше поставитъ, для какой потребы что лучше употребитъ.

Проскакиваютъ, проявляющся опъ времени до времени еще умы, копорымъ любо еще бываетъ помолодиться: да плохо что-то идетъ. То зубъ нѣтъ, замѣшатъ; по сѣдинка выглянетъ изъ подъ парика; да и силы ужъ не тѣ, какъ дѣло дойдетъ до того, чѣобы показатъ ихъ. Недавно еще явился было Графъ Пламень; бойкій спихотворецъ; на всѣ размѣры пишетъ; Анакреону, Горацию, Гафицу подражаетъ, или бышь соспизаетъ съ ними; трагедія пишетъ; новую философію до дна изучилъ; да затѣялъ было пронъ себѣ пославить подобный Гетеву, — анъ и неудалось: напали, крипиковать принялись, свистать, бранить. Бился, бился, да наконецъ ужъ и не подъ мочь спало; не то чѣобы явно бѣжалъ, а шакъ — благо-родно опрешпировался, будѣобы опъ непонимавшихъ его. И на опустѣвшіе престолы Шеллинга и Гегеля показывающся искашели. Въ Гамбургѣ напр. въ 1830. году какой-то Г. Ведель выдумалъ новую спсшему (погоже покроя, что и Шеллингова: міръ вѣченъ и проч.); напечаталъ; ждепъ, пождепъ, — нѣтъ приема. Наконецъ въ одномъ журналѣ писнулъ основныя начала; пожалѣлъ о холодноспи публики къ нему и объявилъ что будепъ ждапъ оцѣнки и одобренія опъ славнаго движущагося Общества Натуралистовъ, копо-

рому въ 1831. году надобно было обратиться въ Гамбургъ. Но съѣхались и разъѣхались Натуралисты, издали двѣ ли три ли книжки, въ которыхъ описали, что рѣшили въ собраніи своемъ, что новаго открыли, какъ Гамбургцы ихъ угощали, какъ Президентъ (изъ обитателей города выбираемый) прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы Господамъ испытателямъ природы были отведены хорошія, удобныя квартеры, чтобы они ни въ чемъ не имѣли недостатка, и чтобы доставлялось имъ все за сходную цѣну, что секретарь Общества былъ человекъ мало вѣжливый и пр.; много кой-чего описали; а что-то не видно (изъ журналовъ, а самыя книжки гдѣ же все читаны), чтобы что-нибудь было говорено о новомъ философѣ.

Эхъ, старость, старость! Не до героизма теперь Германіи, и въ самой учености, и въ философіи. Пора думать, какъ бы поудобнѣй домъ-устройство, поудобнѣй напослать его, чегобы по здоровью поѣхать, да какъ бы покойнѣй уснуть. Въ самомъ дѣлѣ: сонными печатаются теперь книги о поваренномъ искусствѣ, объ овцахъ, о постройкѣ печей и пр.; а еще всего, кажется, заботятся о покойномъ снѣ, потому что больше всего выходятъ романы, повѣстей и тому подобнаго. —

Но къ несчастію эпаже дряхлость имѣешь
вліяніе и на философовъ, очнувшихся изъ чада
Шеллинго-Гегеліянскаго и обратившихся къ
истинному источнику всякой мудрости, къ
самой Мудрости. Не живи Мудростью, не въ
крови Ею спруишься, не въ сердцѣ Ею бишься
хотятъ они, нѣтъ, знаютъ Ее хотятъ, знаютъ
умомъ, знаютъ системапически, хотятъ дать
себѣ отчетъ во всемъ, чему сердце свѣжею
жизнью біющеся и безъ зеркальной игры ума
или спекулативной Теологіи и Философіи въ-
руешъ, хотятъ *видѣть* исполненіе того, что
духъ, съиздѣшсва необезсилный лекар-
ствами Греческой, Латинской, Санскрипской
и всѣхъ народовъ и вѣковъ мудрости, но при-
ученный къ живой дѣятельности, что такой
духъ — легче исполняетъ, нежели они себѣ
представили въ состояніи.

Читали мы нѣсколько нѣсколькихъ новыхъ
вѣровапелей Германіи, читали съ жадностью.
Но не долго были они усладительною пи-
щею души. Кинули мы ихъ. Богъ съ ними!
Пусть идетъ, кто хочетъ, въ нихъ, какъ
и въ философствователяхъ, утоленія жажды
сердечной своей. Мы думаемъ опять, какъ
прежде Богу угодно было допустить насъ ду-
мать, что книги тоже, что люди: если онѣ
не что иное, какъ мертвое скопище скеле-

повѣ познанія, музеумы по ящичкамъ расположенныхъ рѣдкостей и пр., но и можно и должно читать ихъ, потому, что они доставляютъ матеріалы для ума; безъ которыхъ онъ не можетъ быть полезнымъ работникомъ ближнихъ своихъ; но если онъ заключаетъ толкованія, мнѣнія, объясненія и ш. п., то избави Боже корешкаго знакомства съ ними. Кому любо блуждать, лучше блуждай самъ; не примыкайся къ шайкамъ и вольницамъ, предводимымъ апаманами, и избѣгай всякаго, кпо апаманомъ и учителемъ быть хочешь. Кпо самъ по себѣ блуждаешь, право скорѣ найдешь прямую дорогу, нежели кого поведутъ другіе, особенно прославленные, блуждатели. Лексиконы, Полигисторы, Компилаторы, васъ однихъ желалъ бы я всегда имѣть живою и мертвою библіотekoю и компанією моею. Вы безиринципально и невинно научаете. Васъ читаешь и вычитываешь изъ васъ всегда что нибудь полезное. Никогда не думаешь о наслажденіи вами, раскрывая васъ; единственно ищешь пользы въ васъ. Если вы и мудрствуете иногда, то я знаю, что мудрствуетъ лексиконъ или компилация и не увлекаюсь, а читаю дальше. Но вы, которые гордитесь самодѣятельною жизнью въ сочиненіяхъ вашихъ, вы, гении-мыслители, глу-

бокіе умо-вѣрователи, не люблю я читать васъ. Вы увлекаете меня въ сѣти ваши; я боюсь васъ; вы плѣнительны, соблазнительны — за вашими мудрованіями забываетъ истинную Мудрость, и всякой разъ попомъ больно бываетъ опомниться. Вы плѣняете умъ мой, какъ вкусные плоды мой вкусъ плѣняютъ. Съ жадностью ѣшь васъ, какъ виноградъ въ лѣпній зной; давишь сокъ изъ васъ, какъ изъ винограда, и пьешь его. Но вы опшумиваете весь духъ даже до глубины; духъ опьянѣваетъ, забывается, себя и міръ и небо заглушаетъ въ себѣ. И какъ тяжело просыпаться изъ такого плѣнительнаго самозабвенія! какъ тяжело раскрыть похмѣльные глаза ума, и опять увидѣть свѣтъ въ *горнищѣ* сердца своего, свѣтъ солнца Божія, ниспосланный въ нее съ самаго утра Христіанствомъ освященной жизни нашей! Нѣтъ, мистическіе вѣрователи! съ опаскою буду знакомиться съ вами, и всегда буду молить Бога объ оспороженности при чтеніи васъ. Не брошу васъ; потому, что вы часто драгоценныя сокровища собираете, хотя и не умѣете сами какъ должно ими пользоваться. Не брошу васъ, ибо не могу знать, для чего иногда угодно Богу наводить меня на васъ, и не знаю, какое орудіе иногда Богу угодно избрать, чтобы указать блуждающей овцѣ путь

къ спаду Его. Можетъ и волкъ ей эпопъ пупъ указать, испугавъ ее.

Не многіе въ Россіи знаютъ, что даже есть на свѣтѣ какой-нибудь *Фридрихъ Мейеръ*, *Густавъ Кернеръ* и многіе вѣрователи новой Германіи. Но они сущесствуютъ, и сильно про- пивоборсствуютъ сочиненіями своими лжему- дрованіямъ. Только чипали мы кое-что изъ нихъ, чипали кое-что изъ новостей *Эшенмайера* и нѣкоторыхъ другихъ, и — развѣ только об- ширною ученостью ихъ воспользуемся; а вѣ- рованіе ихъ — не знаемъ какъ сказать, — ка- жешся, не болѣе, какъ ушонченное знаніе; а знаніе, какъ оно тонко ни будь — все оспа- нется знаніемъ и всегда будетъ только какъ призрокъ въ туманѣ плавать, никогда не нау- чишь души жить жизнью истинною.

Что такое *Фридрихомъ Мейеромъ* пропо- звѣдуемая мудрость Хрисціанская? Ученое, мис- тическое умовѣріе. Въ его *Blätter für höhere Wahrheit* найдете тѣмъ самыхъ ученыхъ пере- слѣдованій давноислѣдованнаго, найдете мно- жество новыхъ непоспимыхъ инанствен- ностей, найдете обильнѣйшій запасъ ученыхъ сводовъ и разысканій, классификаціи, размеже- ванія міра безплотнаго, отношенія его къ міру земли и пр.: Но, хотя и можетъ многое изъ этого питать вѣру уже вѣрующихъ, но про-

извѣстїи вѣру едва ли можетъ; а о надеждѣ, о любви и говорить нечего. Да и не чистѣйшія понятїя въ этихъ листкахъ высшей истины, даже смѣшны и заспаваютъ думашъ, что вывипы изъ Натуральной, или лучше бы Физической, философіи, итакъ, что можно бы подумать, что мудрость *Мейера* есть омистикотворенный Шеллингїанизмъ. Что такое значить, что средину между бесплотными духами и вещественнымъ міромъ соспаваютъ — невѣсомыя? Что можетъ быть спранїе этого? Точно такъ же спранна системапическая классификація духовъ (см. *Blätter* f. f. *W.* 1830. и 1831.) — Вотъ занятїя вѣровапелей нынѣшней Германїи! После этого нельзя не согласишъся, что очень кспати написана, какъ-то прошлаго ли, претпьяго ли года или нѣсколько прежде, не помнимъ, однимъ остроумнымъ писапелемъ Нѣмецкимъ сапира на современныхъ мистиковъ — Сравнппельная Анапомїа Ангеловъ. Ибо чего же пнаго хочешся этимъ господамъ, какъ не анапомпровать весь видимый и невидимый міръ? — Есть впрочемъ очень много занятптельныхъ изслѣдованїй между незапретѣльными въ сочиненїяхъ *Мейера*, и мы сообщимъ нѣкошорыя въ Радугѣ. (*Bl. f. f. W.* 1852. годомъ заключены.)

Другой изъ новыхъ миспиковъ Нѣмецкихъ, магнетизеръ *Густавъ Кернеръ*, прославился изданною имъ 1829. году исторіею болѣзни Ясновидящей Преворской (*Die Seherin von Prevorst*). Издашелемъ долженъ признаться, что уже послѣ начатія изданія Радуги онъ былъ въ основаніи пошрясенъ однимъ мѣстомъ въ Кернеровой небольшой книжкѣ изданной въ 1831. году подъ названіемъ *Blätter aus Prevorst*, и мѣсто сіе будетъ сообщено въ Радугѣ. Это касается, явленія духовъ. Но чрезъ это въ немъ вѣрованіе сдѣлалось только подробнѣе, а ни мало не сильнѣе и не чище, и любовь не увеличилась; ибо степень силы и чистоты вѣры и степень любви ни чуть не зависятъ отъ болѣе или менѣе подробнаго опчета, который я себѣ могу дать въ чудесахъ, о которыхъ я слышу или читаю. Исторія Ясновидящей Кернеровой возбудила всеобщее вниманіе въ Германіи. Въ короткое время разобрано все первое изданіе. Главные Философы говорили объ ней: *Гегель*, *Кругъ*, *Шубертъ*, *Гаррессъ*, *Мейеръ*, *Бадеръ*, *Менцель*, *Карове*, *Фихте*, *Кизеръ* и пр. говорили рѣчи и писали, шумѣли и осприали, и учено и критически разсуждали въ пользу и противъ этого явленія. Но изъ всего, что намъ удалось прочесть объ этой Ясновидящей и *Кернеръ*, и изъ его *Blätter aus Prevorst* видно, что онъ

не различаетъ чудесъ магнетическихъ отъ чудесъ Божественныхъ. — Мейеръ различаетъ ихъ. —

Эшенмайеръ, одинъ изъ бывшихъ поборниковъ Натуральной Философiи, также обратился къ вѣрованiю. Но и его вѣрованiе тоже что Кернерово. Въ тойже книжкѣ *Bl. aus Fr.* онъ признается, что явленiе Ясновидящей его обрашило: только обрашило не къ чему иному, какъ къ вѣрѣ въ чудеса. А многоли это?

Герреса осмѣиваютъ журналисты мудрые à la Гегель за то, что онъ будио изъ изснупленнаго философа сдѣлался фанатикомъ, вѣрующимъ, что камни могутъ плавать. Но и это еще не Христiанское вѣрованiе.

Шубертъ, извѣстный мистико-натуралистъ, недавно издалъ Психологию, на Христiанствѣ основанную. Мы еще не читали ее; но предчувствуемъ, что она не совершенно упѣшишь насъ, зная, какъ онъ же въ прежнихъ сочиненiяхъ больше понималъ и знаетъ усиливается то, чему только увѣровать бы надобно.

Толукъ, сильный проповѣдникъ, болѣе всѣхъ пребуетъ живаго чувства; но также, сколько мы успѣли узнать его, не рѣзко разграничиваетъ вѣденiя и вѣрованiя.

Круммахеръ опиваживается объясняшь искушение Спасителя на горѣ Діаволомъ — и тѣхъ состояній Его, когда Онъ сердцемъ скорбенъ былъ — тѣмъ, что въ Немъ сіяніе Божественности потемнялось.

И пр. и пр. Не говоримъ, чтобы мы всѣхъ хопя главныхъ вѣровашелей Нѣмецкихъ узнали, и прочли все хопя главное изъ ихъ сочиненій. Но говоримъ о томъ, что узнали и прочли и говоримъ, что изъ всего увидѣли. Увидѣли, что множеству людей въ Германіи знаютъ *гдѣ* искать Истину, но не знаютъ *какъ* ее искать, многіе знаютъ и *какъ* искать и находятъ ее, но найдя, не знаютъ *какъ быть* съ нею. Честяшь ее, величаютъ ее, прославляютъ ее, а не берутъ крестна на плечи и не слѣдуютъ за ней; ходятъ вокругъ нее, касаются ее, а не ѣдятъ ее и не пьютъ ее; видятъ ее воскресшую и къ нимъ пришедшую, слышатъ ее къ нимъ говорящую, но не хопятъ вѣровать, не допронувшись собственными пальцами до ранъ, философскими распинателями ей нанесенныхъ; и даже убѣдившись, все еще не восклицаютъ Истинѣ безусловно съ Оомою: »Господь мой и Богъ мой!« и не слышатъ словъ Истины: »блаженн не видѣвшіи и вѣровавше.«

Что это за вѣрованіе? Просто сомнѣваніе. Въ океанъ сомнѣній ввергнули умъ человѣческій

мыслили въ Германіи. Онъ опомнился, увидѣлъ себя въ океанѣ: но не хотѣлъ выплыть. Нырѣетъ, плещется, и, думаетъ, довольно, что видишь себя въ морѣ и знаешь, что еси суша. Нынче ли, завтра ли, я могу выйти на нее, могу, и довольно, чегоже болѣе? Подплывешь къ берегу, полюбишься какъ вся тварь намъ гласитъ славу Творца, и осмѣешься въ волнахъ своихъ. Или выплывешь на утесъ посреди моря, взберешься на него и съ удочкой въ рукахъ сидишь въ меланхолію погруженный, какъ та нимфа морская, которая недавно показалась одному мореходцу, и — по-смашриваетъ, то на чайкъ, то на карабли мимидущіе. Съесть на какой нибудь изъ кораблей такихъ, да поплыть въ жизнь, дѣятельную, трудную жизнь, этого-то не хочется уму, привыкшему плескаться въ волнахъ своихъ, посреди нѣмыхъ и многоплодныхъ, какъ рыбы, мыслей своихъ.

Что такое человекъ? пришло мнѣ какъ-то на мысль. Дача, въ которую приѣхалъ неужившійся на небѣ духъ, чтобы честною и добродѣтельной жизнью опять удостоиться войти въ небо. Онъ здѣсь въ мужа, въ умъ, образованъ, и дана ему жена, сердце. Священнымъ сліяніемъ въ одно существо съ сердцемъ умъ и живетъ сначала какъ ему должно жить.

Но скоро забавы увлекаютъ его. Начинаетъ рысканіе по горамъ, по лѣсамъ; кружки друзей собираются; каршы, Шампанское..... и забывается помѣщикъ подругу свою, сердце, раздружается съ нею; не слушаетъ совѣповъ старой нянюшки, съ неба прибывшей съ нимъ, — Совѣспи; теряется въ припныхъ разстѣліяхъ. — Но наскучиваютъ наконецъ веселія пышныя. Наспрѣлившись до сыпа, навеселившись сколько душь было угодно, насмотрѣвшись всего, онъ ищетъ занятій цосоліднѣ, постепеннѣ. И за что принимается? За книжки. Да за какія? За романы, за модные журналы. А чшобы не мѣшалъ шумъ домашняго хозяйства, да игры дѣтей, уходитъ — въ анпресоли, въ комнату на чердакъ устроенную, въ голову. Тутъ, по на софѣ за чашкой кѣфе почиаетъ, по въ окошко посмотришь. Видъ съ верху прекрасный. Передъ нимъ горы, лѣса, долины, поля, всѣ мѣста, по конпорымъ онъ прежде рыскалъ. Онъ любитъся, осмапривая всѣ пущи имъ пройденныя. Но наскучиваетъ и это все. И, кажется, тупъ-по и образумится онъ, и опять сойдесть въ низъ и опять подружится съ счастливою жизнью сѣмейною. Нѣтъ. Домовый учищель у него живетъ; докторъ выпи-санный, ученикъ Канта или Шеллинга или и по-

выше кого; человекъ преученный, астрономъ, психологъ, математикъ, историкъ, ну словомъ — поискать такого. Эпопъ почтенный берется развеселять посмущающаго. Чѣмъ же? Указываетъ ему его высокое достоинство; доказываетъ, что просвѣщеніе себя есть единственное благородное занятіе для такого существа, каковъ помещикъ на дачѣ. Толкуетъ ему по своему, что значить просвѣщеніе. Сидя съ нимъ въ антресоляхъ, наконецъ совѣщаетъ ему превратить ихъ въ кабинетъ ученый, въ музей, въ библіотеку, обсерваторію. Помещикъ, познакомившись съ мудросью своего доктора, соглашается съ нимъ; перестраиваетъ чердакъ свой, великъ таскать шкапы, пулпы, астролябии, телескопы шуда. Рыскаютъ съ докторомъ по полямъ; букашекъ, мушекъ, корешки, плавки собираютъ; развѣзжаютъ по городамъ и дачамъ соседнимъ и дальнимъ, рассымаютъ конныхъ и пѣшихъ; книжки, чучелы, камешки, что могутъ, все везутъ и несутъ на чердакъ новообразованный. Докторъ всему мѣсто назначаетъ, разкладываетъ, расправляетъ все. Въ въ воспоргѣ сидя съ докторомъ въ свѣпломъ, какъ фонарь, мезонинѣ своемъ, жизни своей не помнитъ нашъ помещикъ; такъ весело ему воображать, что вся природа, весь міръ со-

средопочились, сокрапились въ головѣ дачи его. Въ низъ почпи и незаглядываетъ, забываетъ часто, что и естъ нижній экипажъ въ его домѣ. Только развѣ поистощавъ нѣсколько за учеными занятіями сходитъ шуда съ докторомъ пообѣдать; а по и кровати велѣли на верхъ принести, шочно какъ на всегда готовящяся жить шамъ. — За обѣдомъ спарушка нянюшка, споя вдали, дѣлаешь намеки ученому барину своему, что онъ хозяйошку забылъ, о дѣлкахъ не хлопчешъ, что хозяйошка поскуешъ объ немъ. Помѣщикъ не слушаетъ, полкуешъ себѣ съ докторомъ о планетахъ да о букашкахъ. Помѣщица расскажетъ сонъ какой нибудь не добрый: помѣщикъ съ докторомъ улыбаются. Бабушка расскажетъ какое нибудь дивное приключеніе изъ спарины: помѣщикъ съ докторомъ смѣются и даже не велѣиъ говорить ей такихъ вздоровъ. — Но часы и дни и годы летяшъ. Помѣщику наконецъ какъ будто скученько спановишъ въ компаніи съ докторомъ да съ чучелами. Первый, другой годъ, такъ онъ и жаровъ дѣлшихъ и холоду зимняго бывало не слынишъ въ ученомъ самозабвеніи своемъ. А какъ скучно спало, такъ и зной нестерпимъ и вѣтеръ осенній какъ свиспашъ да въ оконницы спущашъ начнешъ, такъ тоска на душу помѣщика

набѣгаетъ. Докшоръ удерживаетъ его одинаково во власни своей. Онъ чувствуетъ, что со всѣми приборами докшоровыми не Богъ знаетъ чему выучился; но не смѣетъ еще сказать того себѣ ясно; докшоръ, могущественный докшоръ! онъ какъ сѣмьи опуталъ духъ помѣщика. И видитъ, что послѣ всѣхъ многотрудныхъ занятій своихъ онъ тоже самое узналъ, что и прежде зналъ, живя еще въ сѣмейномъ кружкѣ своемъ: — солнце свѣтитъ, солнце грѣетъ, букашекъ пѣма неизчислимая, міру Божіему конца нѣтъ, въ мірѣ все идетъ своимъ порядкомъ; это все онъ и прежде зналъ: спойло ли же для этого сполько хлопотъ подымать? Но докшоръ, могущественный докшоръ! Нечего дѣлать, надобно повиноваться. Подольше, правда, просиживаетъ онъ за обѣдомъ въ низу, и какъ-то уже охотнѣе слушаетъ рѣчи старушки, какъ-то охотнѣе вспрѣчаетъ взоры супруга, и какъ-то невольно заглядывается иногда на невинныя игры дѣтей. Но докшоръ, могущественный докшоръ! И боится онъ еще не улыбнуться подъ часъ чудесамъ которыя рассказываетъ старушка. И все опять увлекаетъ его докшоръ на верхъ. На верху рай, на верху свѣтъ, говоритъ онъ. — Наконецъ и порѣже на верхъ спали ходишь и еще подольше внизу

оспавапсья. И скоро на верху вовсе спало
скучно. И вскорѣ у помѣщика вовсе переспало
сердце лежань къ докшору. Скучно какъ-то
спало спаратсья искапть все одного да одного:
все знапть да знапть, и знапть умомъ однимъ,
сморѣпть съ анпресолей на мѣрь. Вспомнилъ
помѣщикъ, что значипть чувствво, что зна-
чипть вѣдапть сердцемъ, вѣровапть, сморѣпть
въ сѣмейной глубинѣ изображеніе мѣра Божія.
О теплое жильѣ земнаго домика! спалъ онъ
думапть, о таинспвенная глубина милой су-
пруги - сердца! о таинспвенныя сказанія
доброй вѣрующей спарушки — Совѣсти! о,
милыя игры невинныхъ дѣтей, сердцемъ-су-
пругою рожденныхъ! что въ сравненіе съ вами
всѣ астрономическія и антропологическія му-
дрованія ученаго докшора? При взглядѣ на васъ
я опчизну свою вспоминаю, небо; я глубиною
души Бога ощущаю, Бога, милосердо щадив-
шаго меня, когда я удалялся изъ мирнаго круга
счастія сѣмейспвеннаго. ... Но докшоръ, мо-
гущеспвенный докшоръ! не оспавляетъ онъ
чувстввипельнаго; сопровождаетъ его и въ
глубины сѣмейнаго сердечнаго быта. Знапть,
знапть, пвердипть онъ ему, знапть сиспимати-
чески, знапть все, что и въ глубинѣ нашей
живетъ, вопть блаженспво испинное человѣка
на землѣ! не зная, человѣкъ въ половину жи-

вещь; не зная, онъ живописное. И слабый духъ нашъ опдаеся опять во власнь непоспихи-
мому доктору. И сны сердечные, и игры
дѣтскія, и повѣсти спарушки, все спарается
докторъ приводить подъ системы свои гіеро-
глифическія. И въ низу, въ обихели сердца,
разспавляетъ могущественный шкапы и ящики
системные, и все, все, и улыбки дѣтокъ, и
любовью полные взоры супруги, и обновлен-
ное бѣненіе въ груди супруга и добрую спа-
рушку съ рассказами и совѣтами ея, все хо-
шѣлъ бы докторъ ученый размѣспить по
своимъ шкапамъ системнымъ. — Тягоспенъ
и несносенъ спановиися наконецъ деспоти-
ческій домовый учитель. И одно оспается
средство, освободивъсь отъ деспотизма его
— вовсе разнакомиться съ нимъ и оппустить
его во свояси. Но рѣдкій духъ силенъ, до та-
кой спепени нарушить обязанности госпе-
примспва. Уваженіе къ достойнствамъ споль
рѣдкимъ, и какая-то непонпная привязан-
носнь, какая-то дружба удерживаетъ колеблю-
щагося отъ рѣшимости — снова сдѣлаться
въ домикъ земнаго помѣспья своего совершен-
нымъ хозяиномъ, полновласпнымъ помѣщикомъ
и — щаспливымъ и благословеннымъ супру-
гомъ и опцемъ.

Таковъ ходъ духовной жизни нашей въ частности и въ общемъ; таковъ ходъ духовной жизни всей Европы, и въ особенности Германіи.

Наохотившись и наспрѣлавшись досыща, Германія сдѣлалась ученою и поселилась въ анпресолахъ своихъ. И сколько докторовъ, домовыхъ учителей ея, учениковъ самаго Люцифера, командовали по очереди надъ нею! Наконецъ ее спала скука превожинъ, вѣденіе ума спало ей казаться какъ-то вялымъ и поверхностнымъ. Спали заглядывать мудрецы ея въ глубины жизни сердечной. Но что же? Люциферъ и памъ неотвязывается отъ нее; и памъ преслѣдуетъ ее; и памъ не переспаетъ твердишь ей: знать, знать, знать лишь есть блаженство человѣка на землѣ! Знаніе съ самимъ Богомъ равняетъ человѣка!

Весьма многіе изъ любителей мудрости, особенно въ такъ называемомъ новомъ поколѣніи, въ Россіи должны сознаться, что они собственно нечто иное, какъ ученики Германіи. Они должны сознаться, что и умственная жизнь ихъ шла тѣмъ же ходомъ, какимъ шла въ послѣднія времена въ ученой Германіи. Но главное дѣло въ томъ, что одни изъ насъ остановились на *Кантъ*, другіе на *Шеллингъ*; иные только что прививаются къ *Гегелю*; иные

породнились съ Шубертомъ или другимъ какимъ мистико-натуралистомъ, и почипаюшъ шу почку, на которой стояшъ, за самую высшую. Но если намъ ужъ суждено бытъ учениками Германіи, то почему не учимся мы у нее бытъ независимыми опъ ея геніевъ? Она сама намъ указываетъ путь къ тому. Если намъ уже суждено подражать ей, то почему мы хопя изъ подражанія не обратимся къ солнцу, хопя шакъ какъ она обращается, какъ подсолнечникъ? Довольно бы и того, чшобы мы хопя взглянули на солнце. Если духъ нашъ чистая роса, то онъ воспаритъ къ нему и обратится въ каплю благопворнаго дожда и, можетъ бытъ, съ любовью падая на ниву Отчизны, заиграетъ лучами радуги благовѣстительной. Еслиже мутна капля духа нашего и съ землею смѣшана, то земля сама собою осадитъ и не удержитъ ее опъ воспаренія. Безъ сомнѣнія, если духъ нашъ есть щербинка стекла, то ни подражаніе ни самодѣятельность не превратитъ его въ живой паръ: въ пыли своей сверкая лучами солнечными, онъ до пѣхъ поръ будетъ мечтатъ, что само солнце изъ него сіяетъ, пока какой нибудь прохожій не затопчетъ его. И что же за бѣда? пускай себъ сверкаетъ да мечтаетъ до поры до времени.

Бѣда, написать бы все, что мы наговорили здѣсь, въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ журналѣ. Иной, ученикъ *Канта* или *Гегеля*, пробѣжалъ бы геніальною рысью по спаньѣи — съ философскою важностію молча опложилъ бы что прочелъ, подумавъ: Невѣжда; Русской. Другой, на первойже страницѣ загорѣвшись любовью къ матеріку, на которомъ родился, улюстниль бы, можетъ быть, сказать, даже написать, напечащавъ негодование или презрѣніе свое; иной, на пр. кто нибудь изъ исчисленныхъ, подумалъ бы: жалко, что онъ мало выученъ; благонамѣренно написано; только не смекнулъ писавшій, что мы опираемся на 5000 лѣтъ опытносѣи (слава Богу, что еще по Пешавіеву исчисленію, а то бы по 70 полковникамъ еще больше опыповъ вышло.) Но нашли бы однако и такіе, которые бы въ большей частіи согласились съ нами, и подтвердили бы, что сужденія наши о Германіи мы не изъ воздуха черпали, нападая пакъ на нее. Чтобы показать и Русскимъ нашимъ Чипа-телямъ, что мы не фантазіи наши рассказываемъ объ арміи, противъ которой въ застрѣльщики вызвались, мы перескажемъ нѣсколько словъ изъ того, что сообщилъ намъ, недавно случайно добытой нами, языкъ изъ этой арміи. Онъ почти то же говоритъ. Имя

этого языка: Briefwechsel zweier Deutschen, herausgegeben von F. H. Pfizer. Stuttgart und Tübingen. 1831. (Переписка двухъ Нѣмцевъ, изданная П. А. *Пфизеромъ*.) Сообщаемъ съ небольшими пропусками:

Письмо тринадцатое.

ВИЛГЕЛЬМЪ КЪ ФРИДРИХУ

Что бы ни говорили хорошаго объ ученomъ стремленіи Нѣмцевъ, какъ бы ни прославляли ихъ, — но въ умѣ неисторченномъ нынѣшнее состояніе ихъ не можетъ не возбудить опроверженія. Правда, много глубокообдуманнаго, остроумнаго и истиннаго выносятся на всеобщій шоръ (*); ни у какого народа въ свѣтѣ вѣщъ, можетъ быть, такой складки духовныхъ сохранищъ; ни у какого народа нельзя съ такою легкостью, даже безъ искры производительной силы, показаться умнымъ, нигдѣ не достигли такого искуства, все явленія міра и жизни объясняя въ смыслѣ какойнибудь ослѣпительной системы: но это-то обиліе въ мысляхъ и есть та болѣзнь, которою мы страдаемъ; это непрерывное размышленіе какъ проклятіе прилепляется ко всему, что мы ни предпринимаемъ, чтобы на всемъ

(*) Признаются, что торгуютъ Истиною.

напечатлѣть болѣзненную блѣдность мысли (um allem des Gedankens Blässe anzufärben), и чтобы загодя насильно возбудить въ насъ чувство ничтожества и безсилія нашихъ стремленій.

И какую дикую картину болѣе нежели Вавилонскаго смѣшенія представляетъ нынѣшнѣй ученый міръ въ Германіи! споймъ только прочесть побольше крипическихъ газетъ и литературныхъ листковъ по порядку, и не разъ покажется иному, что онъ слышитъ цѣлый хоръ изъ ста тысячъ говорящихъ безумцевъ (als hörte man ein ganzes Chor von hundert-tausend Narren sprechen); до такой степени оцѣпенѣлъ недосыпокъ общаго средоточія; до такой степени противупротивительны ученія словодержателей (Wortführer), изъ которыхъ каждый говоритъ своимъ языкомъ и, не понимая языка другаго, его поправляетъ, между тѣмъ какъ всякій строитъ міръ по своему, начиная опѣйца, между тѣмъ какъ учители опказываются отъ учениковъ своихъ и беспаланшныя головы лезутъ въ геніи и въ великіе люди. И не смотря на это шумное волненіе, на эти тысячеголосные крики, все яснѣе и яснѣе становится замѣтнымъ всеобщее усыпленіе и оцѣпененіе не только въ области производительной, но и въ опвлеченномъ мысленіи, и угрожающъ перейти въ лешаргію, бѣшенство

или тупоуміе, если не спасетъ насъ какое нибудь сильное потрясеніе, какое нибудь глубокое жизненное движеніе.

Тоже самое и съ изящною Литературою Нѣмецкою: у ней, какъ и у всего народа нѣтъ наспоящаго жизненнаго средопочія; она вся — периферія безъ центра. Изящная Литература наша похожа на споль, покрытый самыми упонченными лакомствами и изысканнѣйшими рѣдкостями, но на которомъ нѣтъ только одного спепеннаго, солиднаго, главнаго блюда, такъ что вспаешь изъ за спода съ переполненнымъ и все шаки пустымъ и несытымъ желудкомъ. Нѣмецкая поэпическая Литература состоиптъ изъ однихъ арабесковъ и украшеній; истпипная Поэзія умолкаетъ все болѣе и болѣе, ибо нѣтъ предмета, который могъ бы ее возвысипть, нѣтъ возвышенной и полной жизни; внупренніе матеріалы и побужденія всѣ уже издержаны, и все расплывается, пылптъ, испаряется и оспавляетъ по себѣ непріятную осадку: вмѣсто истпипнаго смѣшенія составныхъ частей, вмѣсто взаимнаго проникновенія вещественныхъ и духовныхъ спихій видимъ мы у себя — здѣсь одинъ шуманный паръ, въ которомъ уже нельзя болѣе различать испаевающихъ видѣній, шамъ въ противоположность сему плоскости и пош-

лоспн, гордящіяся нагопою своею; и все это отъ того, что мы лишились истинной существенности, существеннаго средоточія жизни.

Поэтому-то мы и богаты такъ сочиненіями, подобными *Вилибальду Вагнерову* или стихотвореніямъ *Гелденлена*, въ которыхъ при изобиліи дарованія и ума нѣтъ ни тѣни природы и существенности, и которыя только въ наше время искусственно-образованной испорченности (*künstliche Verbildung*) могутъ быть понятными, для всякаго же другаго времени и народа должны оснаться неудобосваримыми. Наша Поэзія есть Поэзія ученая и сущеспвуешь только для образованнаго міра, и не могла быть до сихъ поръ иною. Но поэтому-то и лишается она той еспешивенной необходимости, безъ которой Поэзія никакого народа не можетъ приобрѣсти органической цѣлости. Лишь народный стихотворецъ есть стихотворецъ истинный. Искусшвенный стихотворецъ не имѣетъ темнаго грунта, несоздаваемой имъ природной стихіи, не имѣетъ тѣла, матеріи; онъ весь есть свѣтъ и форма безъ вещественнаго содержанія. Такъ и всѣ великіе наши стихотворцы подобны солнцамъ безъ планетъ.

Пока это не переѣнится, до тѣхъ поръ никакое усиліе намъ не поможетъ. Должны быть открыты свѣжіе ключи жизни вмѣсто изсякнувшихъ, если мы хотимъ чтобы опливы Липерапуры нашей переѣнился въ приливъ и чтобы переспали наконецъ заниматься собираніемъ ракушинокъ да червячковъ.....

Удивительно, что до сихъ поръ ни кому не пришло на мысль подтвердить родство наше съ Греками, которое такъ часто доказывали, между прочимъ и указаніемъ на любимѣйшіе наши дневные листки, на которые стоить только взглянуть, чтобы удостовериться, что у насъ какъ и у древнихъ Афинянъ театръ гораздо важнѣе дѣйствительной жизни. Безпреспанныя крипики театральныя доказываютъ впрочемъ только, что и театральное искусство ежедневно болѣе приближается къ упадку; и въ самомъ дѣлѣ мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной драмы, которая бы удовлетворяла самымъ посредственнымъ требованіямъ народнаго содержанія и въ тоже время Поэзіи.

Еще въ худшемъ состояніи у насъ прочія искусства. Не говорю о Скульптурѣ; это искусство прошедшаго времени; но и Музыка, сколь ни соотвѣтствуетъ она характеру Нѣмецкому и сколь ни роскошествуетъ нашъ

сонный вѣкъ въ наслажденіяхъ, пребующихъ одной только спорадической примчивости, и Музыка уже не производитъ болѣе творческихъ гениевъ. Живопись приближается къ совершенному паденію. О Зодчествѣ, которое только въ великихъ общественныхъ предприятияхъ можетъ развиваться со всею лѣпошю, у насъ, не имѣющихъ общественной жизни, и говорить нечего.....

Взглянемъ теперь на состояніе Церкви. — И въ ней нѣтъ ни одного освѣжительнаго ключа. Теология пережила себя; Религія раздвоилась на невѣріе и Миспику, и до сихъ поръ лицепно напрягается къ возрожденію и обновленію. Реформація большею частью понята и развита только въ отрицательномъ ея направленіи; и вмѣсто того чѣобы возбуждать благоговѣніе и возвышать духъ къ Богу, въ церквахъ нашихъ проповѣдуютъ одну холодную мораль или предлагаютъ разсужденія о спорѣ между Супернатурализмомъ и Раціонализмомъ. Числая нравственность Хрисціанства прославляется, но во главу угла всей нравственности поставляются сухіе понятія обязанности и добродѣтели вмѣсто любви. Какъ въ первыя времена Хрисціанства, такъ и въ наши времена разсѣянные исповѣдователи убѣгаютъ отъ свѣта и укрываются въ уедине-

ніяхъ; а въ общемъ смыслѣ, благодаря спараніямъ просвѣпиптелей, Религіи вовсе нѣтъ, потому что философія умѣла только разрушить все, а не въ силахъ была разрушенное замѣнить соотвѣпспивеннымъ спепени нынѣшней образованности образованіемъ догматовъ и Церкви (*)......

Тоже самое и въ практическомъ быту. Мы думаемъ, что чудеса дѣлаемъ, выспавляя на показъ въ учебныхъ книгахъ философскихъ какъ можно спирожайшее нравоученіе и ко всему въ рѣчахъ и сужденіяхъ прикладывая мѣрку нравспвенности, а въ поступкахъ слѣдуя единспвенно внушеніямъ спраха, суемности и мелкаго себялюбія. Еспь между нами довольно людей копорые на бумагахъ съ довольно птвердымъ убѣжденіемъ проповѣдуютъ обязаности, объ исполненіи копорыхъ сами никогда не думали, и копорые могутъ запылать самымъ неприпворнымъ негодованіемъ противъ дурныхъ поступковъ другихъ людей, между пѣмъ какъ сами ежемгновенно склонны по же самое дѣлать. Эта самосознательная или не-самосознательная лживость еспь характери-

(*) О, докторъ, могущеспвенный докторъ! какъ неодолима власпъ пзоя! какъ можно было удержаться сочиниптелю, чтооь не пожелать передѣланія основныхъ испинъ Христіанства по вомодѣ высокоа нынѣшняго просвѣщенія! о докторъ, докторъ! —

ческій знакъ нашего времени. Мы, оспромысленные Нѣмцы, вездѣ ищемъ нравственности, только тамъ, гдѣ должно, не ищемъ. Есть у насъ иاکіе тонкіе чуятели безморальности, что опыскиваютъ безнравственность во всякомъ направленіи искусствъ и Литературы: не смотря однакоже на то, едва ли было когда либо время соннѣе нашего и имѣвшее менѣе твердости въ нравственности и менѣе дѣльности въ поступкахъ, нежели наше. Возмущаются всякимъ преступленіемъ, проповѣдуютъ ошлеченно противъ всякаго порока, и требуютъ высочайшей чистоты въ образѣ мыслей: но при всемъ эпомъ починается нравственнымъ насмояція погрѣшности людей извинять всякимъ возможнымъ образомъ и чрезъ такое снисхожденіе и мягкосердіе приобрѣтають право на подобную пощаду. Ни одной добродѣтели не любяшь у насъ столько, какъ, часто весьма двусмысленную, добродѣтель миролюбія и дружественности житейской. Короче, нравственность наша есць большею частію отрицательная. На дѣлѣ исполняемъ мы однѣ обязанности суетности, вѣжливости и житейскости; а насмояція обязанности — мы шѣмъ довольствуемся, что говоримъ объ нихъ и со всею строгостію въ романахъ и спискахъ требуемъ исполненія ихъ.....

Только съ бумагою и перомъ въ рукахъ Нѣмецъ нашего времени и кажется еще чело-
вѣкомъ; всего лишается онъ, если лишите его
пера и бумаги.. ... Наше среднее состояніе
есть по большой части не что иное, какъ
собраніе бумажныхъ людей, которые только
и занятій, знаютъ, что писать да счесть
дѣлать.

Что съ нами будетъ, если мы не пере-
спанемъ ниши по этой дорогѣ? Нѣмецъ чуждъ
въ собственнѣйшей своей опчизнѣ; онъ живетъ
въ жизни. Вѣчное безпредметное напряженіе
сдѣлало всю внутренность нашу пустою и
ежедневно продолжаетъ истощать самыя бла-
городныя силы наши. Съ своими, за предѣ-
лы лежащими и несимѣющими никакой по-
стоянной точки пребыванія, мыслями, съ пе-
реутомченными своими чувствованіями, не имѣющими
никакого опеческа — стоитъ
Нѣмецкій духъ на такой высотѣ, на которой
всякое дальнѣйшее завоеваніе можетъ только
увеличить бѣдность его, потому что дѣлаетъ
его еще болѣе изолированнымъ и еще болѣе
разширяетъ пропасть опдѣляющую его опъ
дѣйствительности. Все, что предлагаютъ
Искусство и Поэзія, Религія и Науки, все пе-
решарено: но недостатковъ великаго практи-
ческаго инпресса, недостатковъ всю душу на-

полняющей идеи опечесства — не замѣненъ. Напрасно испощены всѣ Липерашуры міра, переслѣдованы всѣ вѣка, не исключая даже до-адамовскаго; напрасно Напуральною философіею нѣсколько разъ переспроенъ міръ, напрасно Искусство и Поэзія выгрезели идеальный міръ вмѣсто существеннаго, напрасно упивались въ морѣ Мисшики, напрасно, какъ Эпедокль въ Эпну, погружались въ бездну абсолютнаго; всѣмъ симъ напряженіямъ одного недоспавало — общаго средопочія.....

Послѣ всего эпного сочинитель утѣшаетъ себя надеждою лучшаго. Въ четырнадцатомъ письмѣ, которое есть опвѣстъ на переведенное (и надписано опъ Фридриха къ Вилгельму) онъ дѣлаетъ себѣ довольно слабыя возраженія и утѣшаетъ себя шѣмъ, что философія есть исключительное достояніе Нѣмецкаго народа и — опъ нее должно ожидать возрожденія. Въ добрый часъ! — Тоску о раздробленности политическаго шѣла Германіи мы выпустили изъ письма. —

6й Отломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

НѢСКОЛЬКО СТРОКЪ ИЗЪ ФИЛОСОФИИ
ХРИСТИАНСКОЙ.

..... Истина и заблужденіе раздѣлили на двѣ части шу землю, по которой идетъ человекъ мимоходомъ. — На ней преступленіе, сираданія и смертъ показывающъ ему, что онъ существо падшее. На ней совѣсть, раскаяніе и тысяча подобныхъ благъ Создателя помогаютъ ему вспасть, для того, чтобы онъ опясть пошелъ къ вѣчной цѣли своей, покоряясь волю Божіей, ведущей его, безъ нарушенія свободы его произвола. — Предъ нимъ открыты два пути: — *погибели и спасенія!* — Пути таинственные и невидимые, на коихъ топчались, какъ-бы безъ разбора, сыны Адамовы; но между шѣмъ идущъ удаляясь непрестанно болѣе одна отъ другой — къ разлукъ вѣчной!

Богъ и Истина одно и тоже. И по сему всякая Истина, которую встрѣчаешь человекъ, приходишь ему отъ Бога, въ Коего не можетъ онъ найти ничего, кромѣ лжи, и Который, по времени и обстоятельству, выдаетъ нужныя человеку Истины, какъ хлѣбъ

насущенный. — Точно такъ, какъ Истина исходитъ отъ Бога, заблужденіе рождается отъ человѣка.

Оно имѣетъ два вида: — *суетное и не-верное*. — Человѣкъ или искажаетъ въ себѣ образъ Божій, прилаживая его къ спрасіямъ своимъ; или, въ нѣкоемъ бѣснованіи, и совѣтъ его изглаждаетъ. Первому изъ сихъ преступленій подвержены всѣ народы древности, *кро-мѣ одного*; но всѣ они ненавидѣли впорое; и нѣтъ несчастные, кои ему подвергались, долго были у нихъ рѣдкимъ исключеніемъ; ибо нечестіе сего рода, вооружаясь противъ Бога, ополчается въ тоже время и противъ самаго существованія обществъ; и здравый смыслъ народовъ понималъ сіе. Когда богомерзское ученіе Эпикурово заразило Имперію Римскую, то казалось, что все должно было обратиться въ хаосъ. И точно все бы погибло; но сама Истина на земли явилась и съ людьми поживе. — Древнія преданія внезапно сію ожили, очищенные и освященные новымъ свѣтомъ. Тогдашнее общество, пруть уже полусогнившій, воспріяло жизнь и движеніе; и сіе начало возвращенной ему жизни не могло уже непробиться ни переворошами Имперій, ни дивнымъ рядомъ тѣхъ безграмотныхъ вѣковъ, кои называются варварскими. — Однакоже въ пятнадцат-

напомъ сполѣпшій, названномъ вѣкомъ *возрожденія*, смертныя признаки общества снова показались: ибо тогда разумъ, въ древней гордости своей, которая казалась, дополъ, побѣжденною вѣрой, опять осмѣлился разбирать и опровергать преданія. Мѣсто, невозможнаго уже, языческаго суевѣрія, засупило дерзкое невѣріе. Оно разрушало, мало по-малу, то чудесное сданіе, которое сама Истина воздвигла, и непрестанно опровергая, одинъ за другимъ, всѣ догматы Вѣры, то есть, всѣ отношенія человека къ Богу; шло постоянно впередъ, посреди возрастающаго разврата — до Французской Революціи, когда цѣлое общество, совершило пресупленіе неслыханное — *отвергнувъ бытіе Божіе!* — Тогда злополучіе достигло до величайшей степени, и гражданскій порядокъ угрожался большими бѣдствіями, нежели въ послѣднія времена Имперіи Римской; ибо Истина Превѣчная, сдѣлавъ уже для человека *послѣднее худо своего милосердія*, ничѣмъ болѣе, кромѣ правосудія не оспалась должна ему и не лившся болѣе на землѣ иначе, какъ для суда. — Все погибало снова. Общество Европейское снова должно бы было рушиться, ежели бы спасительное ученіе Истины не нашло еще послѣдняго себѣ убѣжища въ маломъ числѣ сердець имъ проникнувшихъ, вѣрныхъ

ему и великодушныхъ! Одни изъ нихъ возстали за сію свящую Истину и пали мучениками! — Другіе сдѣлались ея Аггентами. И въ то самое время, какъ заблужденіе дошло до самой послѣдней крайности, Истина въ ужасахъ ихъ загремѣла ужаснѣйшими, послѣдними приговорами — исчезли всѣ опшѣнки, преспали всѣ снаровки спрѣха и оспорожностей, и сіи мужеспвенные Ангелы на самомъ краю пропасти провели твердою рукою ту Черпу, которая раздѣляетъ опшныѣ: навсегда два міра: *благочестія и нечестія*. — Одни изъ нихъ отдернули завѣсу будущаго, другіе спали давали совѣты, для избѣжанія бѣдспвій, коими оно угрожаетъ — пророчества сбылись! — да внемлются и совѣты!

Никогда еще разрушительная Философія не встрѣчала проптивоборцевъ опважнѣйшихъ, попому, что никогда еще не было сраженія болѣе рѣшиптельнаго, за благо или гибель всего человечества. — Ни ученость, ни Геній, ни слава неоспанавливаютъ ихъ. Они идутъ къ свящой цѣли своей, мимо ихъ, и опрокидываютъ сіи испукавы на глиняныхъ ногахъ воздвигнутые, поражая ихъ различными оружіями: по громкимъ воплемъ негодованія; по смѣхомъ презрѣнія; по палицею строгой Діалектики; по громомъ краснорѣчія. И робкое

нечестіе, хопя и шипипъ выставля жалое; но еще прачеся опъ нихъ въ мрачную свою нору! Не дерзаетъ выступитъ въ опкрышый съ ними бой. — Такъ, страшенъ ему и одинъ лучъ небесной Истины! —

7й ОШЛОМОКЪ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАЙКА.

ОБОЗРѢНІЕ НРАВСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО
РОМАНА О КОМЕТАХЪ.

(Выписка изъ библіотеки сельской обсерваторіи.)

Исторія Наукъ есть повѣсть невѣжества и мечпаній человѣческихъ; ибо каждая истина окружена полною заблужденій, чрезъ копорыя должно съ трудомъ до нее добираться. Въ печеніи 36^{ти} вѣковъ человѣкъ думалъ, что солнце, 1,400,000 разъ огромнѣйшее земли, обращается вокругъ нее; и для доказательства сего заставлялъ его проходить 246,900,000 миль — въ одну минуту! — И сія уродственно-исполинская мечта выдуманна, разочтена и общепринята была всѣми мудрецами 36^{ти} вѣковъ, попому только, что мудрованіе человѣческое не могло того разгадать, что мудрость божественная гораздо простиѣ его; и для со-

вершенія, такъ недомыслимыхъ ему супокъ, только велѣла земля повернуться, каждые 24. часа, около самой себя!

Точно также, въ печеніи 36^{ти} вѣковъ, бредили о кометахъ, также ошибались; и наконецъ — кажется, и доселѣ ошибаются! — Умъ человѣческій не такъ шибко самъ подвигается, какъ, до Коперника, подвигалъ онъ солнце. —

1928. годъ до Рождества Христова.

Гермесъ Трисмегистъ, то есть, трижды великій, законодапель, Жрецъ и Филосовъ Египетскій, изобрѣшатель буквъ и часовъ, первый писалъ о кометахъ. Онъ думалъ, что онъ то, чѣмъ кажутся: звезды то видимыя, то невидимыя. — И такъ, на одномъ концѣ Кометнографіи подземный входъ въ его пирамиду, на другомъ — лѣстница на чердакъ Села Спасскаго.

570.

Пифагоръ и ученики его думали, что онъ явленія, образуемая игрою солнечныхъ лучей.

470.

Анаксагоръ полагалъ, что не зависимо отъ извѣстныхъ кометъ, есть еще множество маленькихъ, изъ коихъ нѣкопорыя, встрѣшясь одна съ другою, соединяются и соспавляютъ комету.

410. *Comètes.*

Демокрипъ былъ того же мнѣнія.

400.

Гиппократъ почипалъ ихъ (не много прежде Невтона, 2000 лѣтъ) планешамы; а хвостъ ихъ водою, привлекаемою къ ядру планешы, и въ копорой отражающя солнечные лучи.

350.

Явился человекъ чрезвычайный, копорый долженъ былъ подвинушь ихъ назадъ — копорого шворенія сперва запрещенныя опцами Церкви, приняшы Парижскимъ Университетомъ, созжены Сорбоною въ принадлежащемъ шполѣшій, снова приняшы чрезъ сто лѣтъ — и наконецъ такъ фанатически чшмы, что не лзя было сказать никакой истины, не согласно съ Аристотелемъ, и мнѣіе Аристотелево было всеобщимъ закономъ.

Онъ думалъ, что кометы суть земныя испаренія, копорыя достигая чистѣйшей атмосферы, густѣющъ, загарающя и -- сгарающъ.

Сіе мнѣіе, весьма скромно и въ видѣ простой догадки Аристотелемъ сказанное, принято секшаторами его съ воспоргомъ. Рѣшено положитьпельно, что кометы воздушныя явленія. Переспали наблюдать ихъ законы и спокойно оспавили потѣшные огни сіе загарающя и гаснушь въ воздухъ.

Спрабонъ вздумалъ посадить ихъ — въ фонарь! — Онъ назвалъ ихъ особенными звѣздами, завернутыми въ облако, сквозь которое онъ свѣпашъ.

Отъ начала Христіанскаго лѣтосчисленія.

52. годъ.

Сенека сказалъ, что придетъ время когда узнаютъ, что комета есть одно изъ *вѣчныхъ твореній природы*. — Опять прежде Невтона за 16. столѣтій.

Между тѣмъ, какъ Астрономія такъ нѣмоществовала о кометахъ, гордая сестра ея, Астрологія, дерзко похищала ея права. Богатая всѣми прелестями воображенія и сильная легковѣрною пылливостію челоуѣка, она обратила всѣ небесныя явленія къ разгаданію однихъ земныхъ происшествій. Двѣнадцать знаковъ зодіака сдѣлались домами; а Венера, Марсъ и Юпитеръ, лиспами въ колодѣ картъ. Съ тѣхъ поръ солнце, луна, планеты и созвѣздія начали обращаться, восходить и ложиться для того только, чтобы показаны сколько лѣтъ проживетъ какое-либо значущее лице, дочь или сынъ у него родится, счастье такого-то и любовь такой-то будущъ ли исполнены?

Можно себя представить, какія, въ семь смыслъ, включенія дѣлались тогда изъ кометъ.

Но и самую Астрономію Астрономъ великій долженъ былъ далеко оподвинуть назадъ. Птоломей, замысловатый изобрѣшатель ложной системы, принялъ и подтвердилъ, всѣмъ своимъ вліаніемъ, мнѣнія Аристотелевы, — и кометы осуждены — на четырнадцать столѣтій — быть воздушными явленіями.

Но успѣшимъ пройти сіи вѣки, чѣобы скорѣе достигнуть до *Аппіана*, Астронома Карла V., который началъ первый сомнѣваться въ ученіи Аристотеля.

Около того же времени *Коперникъ* опрокинулъ систему Птолемея; а Тихо-Браге, изъ угла Даніи, усиливался согласить ихъ. Онъ увѣрялъ, что кометы швораются навремя и потомъ уничтожаются.

Славный великимъ своимъ открытіемъ *Кеплеръ*, думалъ, что кометы образуются изъ небеснаго вещества, отъ котораго нѣкоторые часши опадающъ, округляются, отражаютъ свѣтъ солнечный, блуждающъ и разсѣваюшся.

Такъ служили кометы камнемъ преткновенія, о который споткнулся и сей великій умъ. —

Снеллій опламываеши ихъ отъ солнца. Это гораздо короче; но можно обжечься.

Гассенди полагаетъ возможнымъ сдѣлать ихъ планетами.

Карпезій, блеснувший на минушу своими вихрями, хопѣлъ подмести ими и кометы. Это солнцы, говоритъ онъ, которые погасаютъ, потерявъ силу держаться въ средоточіи собственныхъ своихъ вихрей; они упали въ вихри сосѣдственные. Въ нихъ блуждаютъ они, доколѣ снова засвѣтятся и опять упадутъ въ солнцы.

Вопъ сокращеніе изъ Исторіи всей Кометнографіи — до Невпона!

Посмотримъ Исторію самыхъ кометъ.

Съ начала міра до Рождества Христова, въ 4,004. года, въ самыхъ древнихъ бытописателяхъ, упомянуты только 55^{ть} кометъ, то есть по одной съ небольшимъ на каждый вѣкъ; между тѣмъ какъ вѣрно явилось ихъ гораздо болѣе, судя по числу тѣхъ, кои наблюдаены въ вѣки послѣдующіе.

До Рождества Христова.

177.

Самая старшая изъ кометъ, по сказанію Историиковъ, пришла въ 2234. году отъ сотворенія міра, предъ попомъ Огигей, Царя Аштики. Она явилась сначала похожею на Венеру и потомъ распустила огромный хвостъ. Полагаютъ, что это комета 1680. года; ко-

второй Невпонъ опредѣлилъ 575. годовой возвращень; ибо восходя опъ его кометы назадъ, по 575. лѣтъ, приходился именно сей годъ для явленія оной. — Довольно смѣлое заключеніе.

4194.

576.

Говорятъ, что 576. лѣтъ послѣ сей кометы явилась другая и по рашенію времени должна бытъ опяты Невпонова; но по несчастію сіе явленіе очень недостоверно.

Говорятъ, что около сего времени пропала одна изъ Плеадъ.

Достоверно то, что древніе щипали ихъ семь; а мы видимъ только шість.

619.

Въ сіе время Невпонова комета должна была явиться; и дѣйствительно одна пришла позже или ранѣе нѣсколькими годами, неизвѣстно; но достоверно то, что ежели это Невпонова, то въ продолжительномъ путешествіи протѣняла она хвостъ свой на очень курчавую прическу à la Titus.

479.

Явилась прекраснѣйшая комета, названная Цератій, потому что хвостъ ее похожъ былъ на рогъ. Историки замѣчаютъ, что въ сей годъ разбило Греками безчисленное войско Ксеркса.

Персы заключили, что она была гибельнымъ для нихъ предзнаменованіемъ; а Греки приняли ее же, за самое для себя щасливое.

371.

Прекраснѣйшая комета, коюрой хвостъ занималъ при четверти видимаго надъ горизонтомъ неба.

203.

Прекрасная комета съ длиннымъ хвостомъ; по мнѣнію Галлея она та же, коюрую наблюдалъ онъ въ 1682. году, хотя у сей былъ хвостъ короткій. Но это ничего; онъ могъ вырасти.

43.

Волосатая звезда являвшаяся въ Римѣ въ продолженіи семи дней. Астрономы хопяшъ, чпобъ это было четвертое явленіе Невтоновой кометы, коюрая имѣла длинный хвостъ и видна была при мѣсяцѣ. — Чпю дѣлашъ, такъ веляшъ думашъ. — *Учитель сказалъ!* — Извольте сами разбирашъ по сравненію фигуръ.

Христіанское лѣтоисчисленіе.

64.

Прекрасная комета, явившаяся въ царствованіе Перона и давшая поводъ Сенекѣ намекнуть сиснему Невтонову.

69.

Комета съ длиннымъ хвостомъ, подобная

мечу, копорая по многимъ авторамъ была видима цѣлый годъ; а по мнѣнію Пенгре не болѣе чепырехъ мѣсяцевъ. — Выбирайте любое.

96.

Въ сей годъ должна бы была явиться комета Галлеева.

171.

И въ эпошъ годъ ждали ее напрасно.

248.

Комета наблюденная въ Китаѣ, въ созвѣздіи Ворона. Хвостъ ея былъ болѣе двухъ градусовъ. — Ее щипающъ возвратомъ Галлеевой.

400.

Величайшая и ужаснѣйшая изъ кометъ, съ проспирающимъ отъ Зенита, почти до видимаго горизонша хвостомъ. Она поже почищается Галлеевою.

531.

Большая и спрашная комета, именуемая Lampadius; ибо похожа на пылающую лампу.

Пенгре усердный приверженецъ къ Невпоновой системѣ, говоритъ, однакоже, что комета сія по ея элементамъ не можетъ быть Невпоноваго возвратной (какъ бы по слѣдовало по изчисленіямъ.)

582.

Большая и сердитая комета, которая возвѣспила Азіи смерть Шильперика, короля Французскаго.

729.

Въ этомъ году являлись двѣ кометы, однимъ разомъ, въ продолженіи четырнадцати дней; одна поутру, а другая вечеромъ.

815.

Спиральная комета, похожая на двѣ луны вмѣстѣ сложенные.

837.

Первая комета, копорой елементы могли бытъ изчислены Пенгреемъ. — Ядро ея было блистательно; а хвостъ имѣлъ по 7., по 10., по 26. градусовъ, и наконецъ достигнувъ до 50., раздѣлился на два луча, изъ копорыхъ одинъ былъ десятью градусами длиннѣе другаго.

1000.

Въ сей годъ увидѣли на небѣ по явленіе, которое называется *Хасма*, по еспѣ, *Пропасть*.

Сначала было оно похоже на горящее бревно; потомъ сдѣлалось дракономъ, у копорого синія ноги и непресннно увеличивающаяся голова. — Оно исчезло въ ту же ночь. — Меранъ думаетъ, что это было родъ сѣвернаго сіянія.

Въ тоже время являлась и комета въ продолженіи девяти дней. — Не родня ли она была дракону? — Теперь рѣшить трудно.

1006.

Комета въ три крапы большая *Венеры*, и копорая свѣсила, какъ четверть луны.

1106.

Большая комета, по нѣкоторымъ Испорикамъ, крошечная по другимъ, — блиспала, какъ говорятъ иные 14, другіе 40. и даже 46. дней. — Хвостъ ея полагають въ 60. градусовъ и болѣе.

Посреди сихъ недословѣрностей, изъ нея выдѣлали возвращную Невпонову, 1680. года; но это трудно усмотрѣть: надобно переправить Испориковъ, подположить, что они ошиблись во времени явленія, въ направленіи хвоста и надобно приладить элементы ея къ системѣ; а не системѣ къ элементамъ. — Кможе возмется за это?

1264.

Славная комета съ хвостомъ сперва короткимъ и широкимъ, копорый началъ съуживаться и выпянулся до 100 градусовъ. — Иные говорятъ, что ее видѣли чепыре мѣсяца, другіе сокращають сіе время до трехъ мѣсяцевъ. — Она исчезла въ день смерти Па-

пы Урбана IV — Чшюбъ не сказали, что она его уморила! ..

1305.

Прекрасная комепа съ красивымъ хвостомъ. Ее почищаютъ одной изъ Галлеевыхъ.

1315.

Двѣ комепы — одна очень большая обнекала сѣверный полюсъ, указывая хвостомъ на воспокъ, гдѣ, въ тоже время сіяла другая комепа, поменьше ее.

1402.

Двѣ прекрасныя комепы съ блистательными перьями.

1456.

Та маленькая комепа 1682. года, наблюденная Галисемъ, которую въ разное время, мы уже указали, подъ разнообразными видами. Она должна быть не очень послушна; ибо иногда, какъ приказывали ей возвращаться, — и глазъ не показывала. — Въ эпопъ годъ вздумала лыннхся во всемъ блескѣ.

Хвостъ ея раздѣлился на два луча въ 60. градусовъ.

1531.

Другая, такъ названная, возвращная Галсева комепа съ очень кажется маленькимъ хвостомъ; ибо и не говорятъ объ немъ.

1652.

Гевелій открылъ комету немного менѣ Сатурна, которой острый хвостъ простирался на 6. или на 7. градусовъ, и былъ непрокопченъ. — Являлась двадцать дней.

1618.

Двѣ маленькія кометы пришли въ эпоху годъ возвѣсипишь — прешью! — прекраснѣйшую изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ.

Въ четверо болѣе Юпитера, она была съ четверть луны и имѣла хвостъ въ 40 градусовъ, который все болѣе выпягиваясь, дошелъ до 104. — Тонкій вначалѣ, загнулся онъ на концѣ и былъ шириною въ 5. градусовъ.

Въ телескопъ видно было, что ядро ея состояло изъ трехъ пламенныхъ шаровъ. Девять разныхъ видовъ оно перемѣняло; по казалося большимъ, по со множествомъ пятенъ; по пятна сіи исчезали и оно представлялось вовсе болѣе прѣжняго, и проч.

Неупомимый наблюдатель Гевелій срисовалъ и выгравировалъ ее.

1617.

Маленькая комета; но примѣчательная тѣмъ, что была прекрасна и похожа на снопъ или на искусственный букетъ ржи, которымъ дамы украшаютъ шляпки свои.

1661.

Тотъ же неупомимый Гевелій съ Данцигской обсерваторіи открылъ еще комету. Ядро ея казалось величиною съ Юпитера; оно окружено было прозрачною атмосферою. Хвостъ ея въ 6. градусовъ длиною, къ концу разширялся.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней ядро увеличивалось, и потомъ, вмѣстѣ съ хвостомъ, стало уменьшаться. Она являлась 53 дни.

1664.

Комета въ семь году явившаяся была объявлена всѣми Астрономами самою ужасною, хотя очень мала. — Возникнувъ въ созвѣздіи Ворона, пшпцы зловѣщей, она возвѣщала, говорящъ *Комье* (Comiers) »сполько же золь, какъ вышло изъ Пандориной коробки.« Половина Царей должна была умереть — всѣ уцѣлѣли. — Комета и годъ прошли благополучно.

Ядро, уменьшаясь при ея исчезаніи, потеряло круглый видъ свой, казалось разорваннымъ и угловатымъ. — Какъ же думать, что это планета? — Хвостъ ея былъ по короче, по длиннѣе, и наконецъ, загнувшись къ горизонту, сдѣлался похожимъ на рогу, изъ котораго вышелъ хвостъ павлина. Она была видна въ продолженіи 56. дней.

(Продолженіе впрредь.)

8^я Опломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

МЫСЛИ ПРИ ЧТЕНІИ ЗАМѢЧАНІЯ МЕНЦЕЛЯ О
ФИЛОСОФІИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

(Радуга, книг. 3. стран. 153. и пр.)

И такъ наконецъ напечатана *философская росписка* въ слѣдующихъ признаніяхъ мудрецовъ вѣка сего:

»Многочисленная и высокомудная школа Шеллинга *раздробилась по разнымъ сторонамъ.*«
— »Такъ (прибавляетъ Менцель), что въ Пашуральной Философії *остался одинъ Окенъ.*«

Бѣда совершенная. Что намъ теперь дѣлать? — Мы *спроста* принимали всѣ бредни сіи за высочайшую мудрость и готовы были умереть за истину Шеллингова ученія. — Куда теперь дѣвать наши Истории философскихъ Системъ, въ которыхъ такъ оно расхвалено? — Что дѣлать съ Логиками, кои изъ швореній Шеллинговыхъ, кой-какъ, хоть и не очень связно, да скропаны? — А конспекты-шо, а профессорскія шепради, въ которыхъ такъ искусно собирались мы процѣживанъ амврозію сію и съ *нужною осторожностью* и подъ видомъ собственнаго издѣлія? — Куда дѣнемся теперь съ этимъ хвороспомъ, когда и самъ

Великій Жрецъ нашего Пантеизма и всѣ Жрецы ему прислуживавшіе при алтарѣ золотого Болвана, сбросили его и шапчатъ по грязи, восклицая: *выдѣбай Боже!* — *выдѣбай!* — Чѣмъ намъ дѣлать съ нашими книгами, книженками, конспектами и шепрадами лекцій? — Неужели бросить въ печь? — А кудаже? — конечно въ печь! — Да послѣ-то съ чѣмъ останемся? — Чужія перья представляли насъ, по крайней мѣрѣ какими то заморскими индюками; а какъ ихъ оциплютъ, что съ нами будетъ? — Придется оплечь щекошанъ съ проспыми сороками.

Да куда дѣлись всѣ *Геніальные мыслители* Шеллинговой системы? — Какъ могли они добровольно опказаться отъ своей мудрости, коюорая такъ удивляла насъ? — Какъ можно мудрецамъ сказать о самихъ себѣ, что они *все вздоръ говорили*, и сему смертельному для насъ признанію, пожертвовать трудами цѣлой жизни, плодомъ прекраснѣйшихъ ея лѣтъ, Европейскою славой, и, даже мѣстомъ, строкою, страницей, можетъ быть, въ Исторіи Великихъ Философовъ? — Непонятный поступокъ! — Если бы одинъ Философъ его сдѣлалъ; то мы бы сказали, что это ничего не доказывающъ; что онъ сошелъ съ ума; а то цѣлая шайка ихъ, кромѣ одного *высоко-*

упрялаго Океана. — Неужели всё они повредились въ умѣ? —

И апостаты Философiи, отступники, отщепенцы сiи, куда же обратились? — Къ Вѣрѣ Хрисповой! — Каполики сдѣлались опять Каполиками, Луперане Луперанами, Пiеписты Пiеписпами.

Одинъ Трокслеръ правится Менцелю пѣтъ, что хотя и онъ пришелъ въ такой же философскій тупикъ, какъ и всё прочіе, хотя и онъ увидѣлъ, что Философія есть только удаляющее отъ Вѣры распутіе заблужденій; но не хочешь, подобно *Стеффенсу*, омыванъ слезами покаянія богохульствъ своихъ, соблазна и развращенія умовъ; и что же предпринять? — *Итти назадъ!* — За чѣмъ? — Чпобы полюбоваться всѣми кривизнами того пути гибели, на кошоромъ располагаешься прошапаться всю жизнь. — Воистъ истинно Великій человекъ, сей мыслитель *Геніальный!*

А на бѣднаго Макара и шишки теперь валялся. — Говорятъ, что всю бѣду эшу сдѣлалъ *Гегель!* — Онъ дошелъ до послѣдней почки видимаго для ума горизонта. — *Невзначай впрочелъ*, но онъ открылъ его ограниченность въ мірѣ духовномъ. — Верпгѣлъ свое *метафизическое ничто* во всё стороны, прикрывалъ его, какъ самый проворный фигляръ,

всѣми возможными личинами, хотѣлъ выдѣлать изъ него *что нибудь*; но блестящая личина развалилась, — зрители увидѣли, что подъ ней было одно *ничто*! захохотали и ушли!

Первый созерцатель былъ Луциферъ, говорить Трокслеръ, — и это правда — великая истина! — Вотъ настоящая родословная *Философiи* (не *Философiи*). — Спранная вещь однакоже, что Мудрецы вѣка нашего порожественно называли самихъ себя *учениками дьявола*, опца лжи, духа мрачнаго и нечистаго. — Какова была мудрость ихъ; а мы, бѣдные, какъ усердно ей учились! — О Боже, какъ спускалъ Ты, какъ обезумилъ, осрамилъ буйную гордость разума!

Все дѣло въ томъ, что *Генiальные мыслители* вѣка нашего дофилософовались до того, что уничтожили *Философiю*. *Умъ зашелъ за разумъ*. — Люди изъ нихъ добросовѣстные (и ихъ почасти большая часть), которые искали истины, но невѣденiю, тамъ гдѣ нѣтъ ее, но искали искренно, признаются чистосердечно въ ошибку своей и спѣшаютъ обратиться къ настоящему ея источнику; а тѣ, кои только по гордости ума стремились разными сомыслями оправдать развратъ своего сердца, — тѣ ищутъ новыхъ игрушекъ

для воображенія, чѣмъ нибудь заглушить поску и воцѣль своей совѣсти.

Переворотъ въ Германской Философiи нынѣ производящій, произведенъ двумя обстоятельствомъ: обращеніемъ Шеллинга и славыишихъ его учениковъ и послѣдователей къ Христіанству, и Гегелемъ, который доумнигалея и дотопилъ до-нельзя. Самый умъ увидѣлъ, что далѣе итти некуда, что вся область его пройдена и обшарена, и, найдено въ ней одно — *ничто!* — Онъ очутился паче же, опкуда пошелъ. Всѣ извороты уменствованій испытаны, все краснорѣчіе истощено, вся пустошзвучность философской терминологіи разгадана. — Савлы вхавшіе въ Дамаскъ, ослѣпленные свѣтомъ истины Христовой, пали съ коней гордаго своемыслия и вопіють у ногъ его! *Господи! что мѣ хочещи творити?*

Наша великая эпоха образумленія Европы! — Поздравляемъ съ сею зарею всѣхъ друзей Церкви, Троновъ и Закононости. Господь сдѣлалъ видимое чудо, внезапно озаривъ слѣпую толпу Философовъ свѣтомъ своей истины, выведя изъ самой крайности зла, добро высочайшее, изъ вѣковаго скопа заблужденій вѣчную истину!

А вы злополучные и недоучившіеся ученики въ школахъ Шеллинга и Шлегеля, вы

безпаланпные подражатели нещасному Генію Гегеля, Индѣйцы Философін, поклонявшіеся сему Далай-Ламѣ, не ожесточайтесь при видѣ сихъ падшихъ, но *исполнскихъ* Типановъ. Пигмеи ума и учености! бросьте соръ и хламъ, изъ котораго и вы кучки свои, по одному слабодушному подражанію, начали было смешать въ уголокъ, чптобы поже вспавъ на нихъ взять присупомъ небо. — Смотрийте какъ Громовержець блеснулъ молніями своими въ глаза Полубоговъ вашихъ! полешѣли! Чптоже съ вами-то будетъ, ежели малѣйшій вѣтеръ пахнетъ? — задуетъ васъ въ пыли. — Образумьтесь. — Вонъ пустынный гробъ вашего Далай-Ламы. — Вонъ простертый у подножія алтарей Христовыхъ славный *Шелингъ* вашъ со всею своею школою. — Вонъ обличающій свое и учипелей своихъ безуміе, *Стеффенсъ*, посыпаетъ пепломъ покаянія голову свою, копорая, недавно еще, такъ васъ изумляла! — Вы всегда рабски подражали симъ *Геніальнымъ* умамъ — продолжайте же подражать. — Вамъ ближе воропичься, потому вопервыхъ, чпто вы безъ всякихъ умствованій, всею душою, какъ подобоспраспныя ханжи Философін, вѣровали во все, чпто вамъ ни скажутъ изъ Германіи. Вовпорыхъ, ничему порядочно не выучились и не имѣли нужды

учинишься, потому, что легкій шрудъ скоро сниматьъ худыя копѣи, гораздо выгоднее для дѣли и прибыльности въ видахъ скорой извѣстности и звенячаго прибѣшка, нежели *угеность*, такъ головоломная и пошловая. — Такъ что же можешь васъ оспанавливать? — Примились, по-прослу за дѣло, за Вѣру дѣдовъ Вашихъ, вѣрныхъ Богу Русскому и Царю Бѣлому. — Очистиште отъ нечестія испорченныя вами науки: а ежели не знаете какъ, то вошъ вамъ и совѣтъ. —

(Окончаніе послѣдуетъ.)

О ВОСПИТАНІИ.

1. Цѣль.

Что называется мы воспитаніемъ? ежели воспитаніе есть искусство, имѣющее цѣлю воспитать человека, вскормить, взрослить: то должно быть опредѣлено 1) къ какой цѣли его возвращать должно, и 2) какъ должно дѣйствовать искусство воспитанія, возвращая человека. Двѣ задачи, отъ рѣшенія коихъ зависятъ вся правильность или неправильность сужденій о воспитаніи. —

Цѣль Хрисіанскаго воспитанія есть *совершенство*: »будете совершенны, яко Отецъ

вашъ на небеси совершенъ.» Въ этомъ, кажется нѣтъ сомнѣнiя. Но великiй камень преткновенiя для людей есть вопросъ, что такое это совершенство?

Не принимающiй, что совершенство есть цѣль воспитанiя, разумѣется, не спанетъ желать сыну своему и своей дочери, чтобы они достигли когда либо этой цѣли. Отецъ выросшiй землею и дѣпей своихъ для земли гошовишъ. Опытая шукомъ довольствiя, онъ думаетъ: я прожилъ же свой вѣкъ, не мечтаю о совершенствахъ; зачѣмъ же дѣтямъ моимъ мечтать о такихъ несбыточныхъ вещахъ. Спокойно плавая въ чаду самозабвенiя, другой говоритъ: »Щастiе, дитя мое, будь щастiе твоею цѣлю въ жизни: а щастiе состоитъ не въ совершенствѣ мечтательномъ, а въ самодовольствiи.« Ему не приходило на мысль, что »быть самимъ собою довольнымъ« по словамъ Оксенципириа »значитъ имѣть дурной вкусъ.« Другой велитъ къ богатству стремиться, претiй къ почестямъ, четвертый къ славѣ и пр. и пр. Но все они не вѣруя въ совершенство такъ думаютъ. Если бы они знали, что совершенство, къ которому Христианство велитъ стремиться есть совершенный свѣтъ, совершенная жизнь, совершенная

любовь, короче: есть Богъ единый; если бы они знали, какъ *изячна* и въ тоже время какъ *полезна* эта цѣль: они не спали бы чуждашься ея. — Но есть люди, которые вѣрують, что совершенство есть цѣль бытія челоѣка, которые въ глубинѣ души убѣждены, что къ совершенству лишь должно спремиться челоѣку, но не смотря на то ни мало не удовлетворяють пребыванію, которое выражаетъ заповѣдь Христіанская: будите совершені, яко Отецъ вашъ на небеси совершенъ. Отъ чего бы это происходило?

Одна причина: они — скрытые идолопоклонники. Они не вѣрують, въ совершенство Тривоспаснаго. Они усовершенствуютъ челоѣка къ тому, что плѣняетъ ихъ въ ихъ часномъ, идолотворимомъ ими идеалѣ. Поклонникъ бога торговли, Меркурія, спарается усовершить дитя свое ему на службу. Поклонникъ бога войны усовершенствуетъ его для войны; музыкантъ для музыки; ученый (не раскаявшійся въ учености своей) воспитываетъ сына своего для учености (а раскаявшійся, разумѣется, для какого нибудь божества поболье хлѣба дающаго); иной геній воспитываетъ рожденіе свое въ геніи же. Это не то, что Св. Павелъ говоритъ: »Раздѣленія

дарованій суть, а пойдѣ духъ: и раздѣленія служеній суть, а пойдѣ Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а пойдѣ есѣ Богъ, дѣйствуя вся во всѣхъ.» Здѣсь не тощѣ же Господь, ибо каждый служитъ своему собственному идеалу, слѣдовательно не одному всѣмъ служащѣ, а разнымъ Господамъ, каждый своему.

Во всѣ вѣка было такое идолослуженіе утонченное; но болѣе всего развилось оно съ тѣхъ поръ какъ разширился кругъ познаній челоуѣка и его дѣятельности земной: *со времени возстановленія наукъ, изобрѣтенія печатанія и пр.* Челоуѣкъ увидѣлъ безчисленное множесѣво плѣнительныхъ цѣлей на землѣ; успремился къ нимъ, можетъ бытъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, чѣобы обратишь ихъ въ средства къ обезпеченію земнаго бытія своего и къ тому, чѣобы облегчишь себѣ достиженіе небеснаго своего предназначенія: но забылъ дорогою о небѣ и, земными видами очарованный, Князю міра спалъ подвласнень и о его совершенствѣхъ спалъ заботишься. И все чѣто дозволялось ему избирашь средствами для достиженія единого небеснаго совершенства, все это спалъ онъ наконецъ почитаешь цѣлями своими. Удивительноли послѣ того, чѣто много являлось людей въ послѣдніе 2 — 3 вѣка, которые въ ондѣльныхъ какихъ нибудь видахъ бытія че-

ловѣческаго доспигали высочайшей сщепени совершенства. Удивительно ли, когда они во всю жизнь свою, опѣ самаго перваго мига самочувствія, посвящали себя одному какому нибудь направленію? Мы дивимся Рафаэлю, Микель-Анджелу, Расину, и множеству имъ подобныхъ необыкновенныхъ людей. Но если разсмотримъ внимательнѣе, то что въ сихъ людяхъ необыкновеннаго? — *Вильямъ Кроу* (родившійся въ Норвичѣ въ 1775. года 5. Іюня), слышавъ въ 1777. году въ срединѣ Августа (стало бытъ будучи съ небольшимъ двухъ лѣтъ), какъ одна приятельница его матери довольно долго играла на органѣ и пѣла, сдѣлался такъ беспокоенъ, что мать не знала что съ нимъ дѣлать; вынесла было его изъ той комнаты; но какъ черезъ нѣсколько времени понесли его опять черезъ ту комнату спать, то онъ съ такимъ усиліемъ протягивалъ ручки къ органу, что мать принуждена была посадить его за органъ, на которомъ онъ потчасъ же началъ играть. На другой же день слышали что онъ не просто бренчитъ по клавишамъ органа, а очень складно наигрываетъ то же самое, что на канунѣ играла приятельница его матери, и еще другую піэсу, которую слышалъ какъ отецъ игралъ. Скоро весь городъ объ этомъ узналъ. Скоро повезли его и не

всей Англии. Онъ игралъ въ Лондонѣ передъ Королевскою фамиліею, игралъ и передъ многочислѣннѣйшими собраніями. Одна дама пропѣла ему арію; онъ потчасъ-же перенялъ ее; она опять спала пѣшь; онъ игралъ за нею на органѣ и потчасъ оспановилъ ее, когда она сфальшивила. Во всемъ прочемъ былъ онъ совершенный ребенокъ, и припомъ шалунъ. Раппо, Турньеръ, Пинешпи и пр. и пр., чпо иное, какъ не такіеже Крочи въ своемъ родѣ и въ своихъ видахъ. Всѣ они совершенства: но какія совершенства? часпныя и наружныя. И точно такія же совершенства: Рафаэль, Микель-Анджело, Расинъ, Гегель, импровизаторы и пр. и пр. — И чпо мудренаго — достигнуть такого совершенства? Человѣкъ съ волею ему данною есть могущественнѣйшій духъ. Чего не можетъ онъ достигнуть, если воля его упорно шого захочетъ? Нужно только, ччтобы не было препятствій непреодолимыхъ его хотѣнію. Сильная и упорная воля можетъ даже до шого достигнуть, ччто будетъ и чудеса дѣлать, какъ самое Священное Писаніе говоритъ. Спощь сй только одемонить, спощь только совершенно подчинить себя тому идеалу, котораго она кумиромъ себя сошворила, спощь только убить себя ради кумира своего и дать поселиться ему внутри

ея. Вслкій шакой кумиръ еспѣ не кпо иной, какъ одинъ изъ падшихъ Ангеловъ: такъ споншь только подчинить себя совершенно и безу- словно какому нибудь такому падшему Ангелу, чпобы достигнуть любаго частнаго совершенства, и възбсновашься любымъ упончен- нымъ бѣснованіямъ. Чпо говоримъ о част- ныхъ совершенствахъ въ наукахъ, въ искуств- вахъ, ремеслахъ? Вспомнимъ магнетизмъ. Чпо магнетизмъ не вздоръ, въ томъ уже нынѣ спранно сомнѣваться; тысячи опышовъ убѣж- дають, чпо чудеса магнетическія не ложъ и не выдумка; Пнеія, Шаманы, множество са- мыхъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, однимъ словомъ тысящелѣпія супъ доказательство магнетическихъ чудесъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ сіи чудеса супъ чудеса джеучитель- скія. Достигнуть высочайшей спенени въ магнетическомъ чудотвореніи ни мало не му- дрено. Чпо нужно для этого? ничего болѣе, какъ только рѣшимельная, швердая, беско- рыстная воля. Нужно опдашься совершенно своему богошворимому владыкѣ. Нужно только приучить, воспитать свою волю подъ его власшъ. Если я шѣлесную свою силу могу приучить,нося каждый день шеленка, но- сить наконецъ и цѣлаго быка на плечахъ, то не такъ ли же могу приучить волю

всею — сначала дѣйствовать посредствомъ прикосновенія на другаго, потомъ усыплять его взглядомъ однимъ, потомъ и на отдаленномъ разстояніи даже мыслями однимъ? И до чего я не могу довести воли своей? Дѣйствительно, вѣрно, сильнѣе была воля у міра допотопнаго; и не льзя, кажется, не согласиться съ Г. Просподумовымъ, что пресупленія людей допотопныхъ, такъ какъ и вѣденіе ихъ, недомыслимы для насъ.

Недомыслимы. Недомыслимы намъ и кумиры допотопнаго упонченнаго идолослуженія. Но, снова падшіе, снова во мракъ вольномудрія погрязнувшіе, мы какъ сквозь шуманъ, какъ въ синей дали соцерзаемъ ихъ. И могущественно Агенты Люцифера — магнители сии дѣйствуютъ на духъ нашъ. Что значатъ всѣ усилія геніевъ нашихъ, напрягающихся всѣмъ существомъ своимъ, чтобы быть великими поэтами, великими философами, великими артистами всякаго рода, какъ не разные виды упонченнаго идолослуженія? Они только по своему одѣваютъ Аполлона, Минерву, Венеру, Музъ и пр. Что вся жизнь ихъ, какъ не жертвоприношеніе языческое? У нихъ есть свои мистеріи, свои оргіи и пр.

Но всѣ виды идолослуженія легко преодолѣнь, кромѣ одного. Легко доказать спихо-

творцу, что все идеалы его — шуманъ, дымъ; легко доказать герою музыки, что вся упонченная игривость его великаго искусства — свистъ въпра, прескотня кузничика; легко убѣдить живописца, ваяшеля, зодчаго, плясуна, орашора, бойца и пр. и пр., — всѣхъ ихъ легко убѣдить, что все искусство ихъ со всеми совершенствами своими не что иное суть, какъ одно дѣятельное поклоненіе кумирамъ, какъ одно ничтожное усиліе осуществлятъ самыя ничтожныя совершенства. Но одинъ родъ идолослужителей упонченныхъ труднѣ всего убѣждается, одинъ родъ, у насъ, къ счастью, немногочисленный: это философы. Прошу увѣрить какого нибудь ревностнаго ученика Гегелева, что вся Гегелева философія есть самая пустая дѣтская забава, что Пинеппи и Гегель и Турниеръ и шотъ конь, кошорый въ началѣ прошедшаго вѣка сдѣлался безсмертнымъ, превзошедши всѣхъ прежде и послѣ него бывшихъ скакуновъ (кажется, въ Голландіи; не помню имени его) суть одни лица. Прошу убѣдить какого угодно моднаго мыслишеля, что софствозаніе, или по Русски, мудрствозаніе есть не что иное, какъ волтижерование и ломаніе ума на метафизическихъ лошадяхъ и веровкахъ. А отъ чего происходитъ эта трудность? Отъ того, что это умственное

волпижерованіе есть самое отвѣщенное и невидимое и опъ того, что кумиръ этого поклоненія менѣе всѣхъ похожъ на кумира, ибо принимаетъ на себя видъ Ангела свѣта.

Опъ того-то происходитъ, что особенно въ новѣйшее время ни одно кумиролуженіе не проникло спольковъ жизнь и въ воспитаніе, какъ кумиролуженіе Свѣтоносцу. У насъ, слава Богу, оно не такъ еще впилося, чтобы нужно было слишкомъ вопіять на то. Но центръ этого поклоненія, изъ котораго оно и къ намъ съ недавняго времени спало было такъ сильно проникать, — Германия. Спросите тамъ, что опличаетъ человѣка опъ живошнаго? Мысленіе, вамъ отвѣчаютъ; сердце, говорятъ, и живошное имѣетъ; и всѣмъ прочимъ живошное также одарено; одно мысленіе возвышаетъ насъ надъ всѣми созданіями (между прочимъ посмотрите объ этомъ въ Гегелевой Энциклопедіи). Послѣ этого спросите, для чего должно воспынывать человѣка? Разумѣется для мысленія, вамъ скажутъ. А такъ какъ для того чтобы мыслить надобно знать, то знаніе есть главная вспомогательная цѣль для достиженія сей высшей цѣли. *Быть* — можно какъ нибудь, главное дѣло есть мыслить; кто мыслитъ тотъ уже есть (*cogito ergo sum*). Мудрено ли послѣ этого, что вся Германія есть не что иное,

какъ одна великая школа, одинъ огромный Университетъ? Умѣть дѣйствовать рукою, умѣть ходить, переносить спужу, жаръ, быть искуснымъ художникомъ, быть хорошимъ земледѣломъ, воиномъ, и пр. нужно, говоришь философъ, если нельзя того избѣжать; но лучше, если можно быть всѣмъ вмѣстѣ по немножку, т. е., по спольку сколько нужно каждому для поддержанія жизни, свободы, чести, достоинства и пр. и пр. и пр.; а умѣть мыслить, говоришь, совсѣмъ не для того нужно, чтобы что либо поддерживать: мыслить и знать должно умѣть для самого мысленія и знанія. Знаніе есть богиня, думаешь онъ съ Шиллеромъ, а не корова, которая снабжаетъ насъ масломъ и молокомъ. Знать, знать, знать по Гречески, по Латыни, по Еврейски, по Санскритски, по Арабски, по Готски (со времени появленія Гриммовой грамматки), знать гдѣ, кто, какъ живетъ, гдѣ, кто, какъ жилъ, знать какъ каждый камышекъ, каждый листочекъ зараждается, растетъ, пропадаетъ, знать все, знать систематически, умѣть во всемъ опочетъ подать, умѣть въ случаѣ нужды проговорить или написать на всякомъ живомъ и мертвомъ языкѣ, умѣть списки на немъ написать, перевести на любой языкъ пуншевую или другую какую пѣсню, какъ нѣсколько лѣтъ тому

назадъ какой-то Эллинистъ ученый перевелъ на Греческій языкъ въ стихахъ Лапинскую студентческую пѣсню: *Mihi est propositum in taberna mori*, и напечаталъ въ одномъ преученномъ педагогическомъ журналѣ; все знаешь, все умѣешь, особенно знаешь и умѣешь объяснить какъ Короли, Министры, Полководцы дѣла свои совершали и совершаютъ, гдѣ ошибались и ошибаются, какъ бы должны были поступать и пр., и пр., пущеже всего — знаешь и умѣешь пересказать и объяснить: какъ, когда, зачѣмъ, изъ чего, какими средствами Богъ создалъ міръ и человѣка? хорошо ли отъ его создалъ, могъ ли лучше создать, и каковъ бы былъ міръ если бы онъ былъ лучше созданъ, и пр. и пр., все это знаешь и понимаешь и умѣешь по пальцамъ перебрать, — вотъ истинная цѣль чисто-философскаго воспитанія.

Нѣтъ; какъ угодно, господа ученумудрые: а этого и самъ Аристотель и самъ Платонъ не хотѣли, хотѣ и казалось первому изъ нихъ, что лишь соединеніе всѣхъ совершенствъ, а впрочемъ, что лишь высреннее пареніе души есть истинное блаженство. Нѣтъ, Богъ съ вами и со всѣми блаженствами вашими! Передъ вами все ваше безсмертіе, вся ваша слава! Я бы другу и недругу сказалъ, если бы онъ спросилъ меня: Нѣтъ, любезный, у мудрецовъ

эпихъ не многому выучишь дѣтей своихъ; они не бышь учащъ, а говоришь и думаешь о томъ что значишь бышь. Они учащъ рисовать жизнь, ваять ее изъ камня, класать ее на ношы, писаешь объ ней романы, учащъ китайскими ипѣнями играешь, а не живешь. Если хочешь научить жить дѣтей своихъ, то обратись къ одному, всего человѣчества общему учинелю, къ Бого-человѣку. У Него спроси, къ какому совершенству вступи дѣтей, у Него научись, какъ вступи ихъ, и вѣрно дѣти послѣ благодарить тебя будутъ. Корень всякой мудрости, Богъ-Слово есть въ то же время и корень истинной Педагогii.

Докторъ * * * Какъ вамъ угодно, а.....

И. Позвольте дочитатьъ.

Д. Да, развѣ еще не все? Ну да не бойтесь: что написано, то не уйдетъ; а мысли летучи.

И. Да вѣдь я знаю напередъ ваши возраженiя.

Д. Нужды нѣтъ; опровергните же ихъ. Никто съ вами спорить не будетъ, что Христосъ есть корень всякой мудрости, следовательно и Педагогii. Но развѣ Философiя и всѣ прочiя чистыя совершенства не могутъ бышь согласены съ Христiанствомъ? развѣ непременно они должны бышь уничтожены?

И. Да развѣ я уничтожаю ихъ?

Д. А что же вы делаете? Философія — фиглярство, Поэзія и все — идолопоклонство. Развѣ это не уничтоженіе? Иными словами, не погнѣвайтесь, — ваша система есть родъ погасительсва.

И. Однажды мнѣ какъ то рассказывалъ М. Л., что когда ему также о погасительствѣ говорили, то онъ отвѣчалъ: »Вы сами обвиняете ваше просвѣщеніе, говоря о погасительствѣ; стало быть оно не истинный свѣтъ, если можетъ быть погашено; попробуй-ка кто погаситъ солнце.« Въ самомъ дѣлѣ, что такое наши опличные поэты и философы? *Факелы — димъ.*

Д. Такъ вамъ послѣ этого всѣ науки вздоръ; васъ, я вижу, въ Средніе вѣка позоываетъ.

И. А что жъ? и въ Среднихъ вѣкахъ не хуже бы можно ужиться, чѣмъ теперь. Бога вездѣ можно знашь, въ какомъ вѣкѣ и въ какомъ мѣстѣ угодно.

Д. Поздравляю! Такъ васъ плѣняють разбойничьи вершени, баронскія берлоги, невинность невѣжества и подобныя опличныя черпы Среднихъ вѣковъ.

И. Наконецъ то вы попали на главную точку. Справное дѣло, что и вы и столько другихъ мыслителей не можете смотрѣть иначе на человека, какъ только съ одной

почки зрѣнія, тогда какъ на него нельзя иначе смотрѣть, какъ съ двухъ почекъ.

Д. Какія же эти почки?

И. Я боюсь выдавать что либо за истину, что только во мнѣ родилось и не возродилось свыше. А возрождена мысль какая нибудь свыше тогда, когда неспройное тѣло свое сбрасываетъ и облекается въ плѣто, какое даетъ ей слово Божіе; когда она преобразовывается сущностью своею такъ, какъ того требуетъ онъ нея сама Превѣчная Истина. Такъ, въ дѣйствіи безъ самосознанія напитанные сѣмѣнами Истины, мы все пускло по паденіи нашемъ продолжаемъ видѣть двѣ почки, съ которыхъ должно смотрѣть на человѣка; только понимаемъ ихъ по своему. »Человѣкъ живетъ для себя или для ближнихъ,« думаемъ мы сначала, если не опровергли до эгоизма. »Человѣкъ одинъ ничто въ сравненіи со всеми ближними, слѣдовательно онъ для себя не долженъ вовсе жить, а единственно для ближнихъ« думаемъ мы послѣ; увлекаемые порывами сердца человѣко любиваго, но не зная, откуда должна исходить любовь къ ближнимъ, если чиста должна быть. Увлекаемые же въ противоположную сторону, въ сферу живопности, мы силится все въ мысляхъ своихъ основать на началѣ себялюбія. И. п. д. Отъ чего это?

Отъ того, что мы зачинаемъ и рождаемъ все понятія наши въ нашемъ мелочномъ я; отъ того, что не почищаемъ себя деревомъ, обращеннымъ корнемъ — къ Богу, а вѣтвями — къ ближнимъ. — Богъ и ближніе суть двѣ почки указываемыя намъ Словомъ Божиимъ. Все заблужденія вращаются около одной оси, около непониманія сихъ двухъ почекъ и отношенія ихъ. Изъ нихъто должны все наши дѣйствія и мысли выходить какъ изъ источниковъ; и припомъ такъ, какъ указано въ Божіемъ Словѣ, такъ, чтобы вѣпоря основная почка, ближніе, имѣла свое основаніе въ первой почкѣ — въ Богѣ. Но одинъ мудровашель не понимаетъ первой, другой не понимаетъ второй, третій соединяетъ ихъ въ одно, и не понимаетъ слѣдовательно никакой. Отъ этого происходятъ Спинозы, Шеллинги, Вольтеры, Сенъ Симоны и множество имъ подобныхъ. А что отъ нихъ происходитъ? Взгляните сами.....

Кто вѣруетъ въ Слово, Богомъ воплощеннымъ данное, кто вѣруетъ глубиною души, вѣруетъ совершенно, вѣруетъ безъ всякихъ мудрованій, безъусловно, тотъ не споткнется объ этотъ камень преткновенія, и, безъ всякихъ философствованій зная ясно и сердцемъ и умомъ, для какой цѣли самъ живетъ,

поймешъ какую цѣль имѣешь и воспитаніе. Онъ поймешъ и вы безъ всякаго сомнѣнія сами понимаете, что воспитаніе имѣешь двоякую цѣль: 1) воспитаніе на служеніе *Богу* и 2) воспитаніе на служеніе *людямъ*. Послѣ этого вы вѣрно согласитесь во всемъ вышесказанномъ со мною, вѣрно согласитесь, что, живя Богу — я не имѣю нужды ни въ Философіяхъ ни въ Поэзіяхъ, ни въ Наукахъ, а долженъ только вѣру имѣть, надежду и, большую сихъ — любовь; а живя людямъ — обязанъ спараться и *дѣлательно молить* Бога о томъ, чтобы и на мой удѣлъ доспало хоща одно совершенство; не покланяясь однако сему совершенству какъ кумиру, а помня, что: »Кому-ждо же дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусъ: Другому же вѣра, шѣмъ же Духомъ: иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусъ: Другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же рѣчи языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуешь *единъ и тойже* Духъ, раздѣлая властью коему-ждо хощешь.» Прочтите 12. гл. 1. посланія къ Коринѣянамъ всю. Тамъ вы ясно увидите, какъ должны быть соглашаемы частныя совершенства съ Христіанствомъ; и тогда скажете, за погасишь ли вѣру-

пается стапья эпа, возспавъ на лжеучипелей, копорымъ обыкновенно хочется — либо, чпобы люди небыли удами одинаго шѣла, коего душа Христось, а были бы все лишъ опдѣльными шѣлами, опдѣльными какъ бы государствницами, храмниками, — либо, чпобы все были однимъ чѣмъ нибудь въ великомъ шѣлѣ, именно шѣмъ, что имъ больше нравится, напр. мозгомъ, глазомъ, слухомъ, о шомъ и не думая, что: »Аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ шѣло?«

Д. Знаю я эту главу и думалъ объ ней. И разумѣется не спану спорить противъ такого свода. Да сначала-шо вы ужасно напали на все, такъ шрудно было сообразить выводъ вашъ. Правда; разумѣется.

И. Да, хорошо съ вами спорить, что въ васъ и личности нѣтъ и вы сами, можете быть, гораздо лучше меня знаете Св. Писаніе. А каковоже съ какимъ нибудь франшомъ-философомъ связаться, копорый думаетъ, что и нивѣсть какихъ диковинъ набрался, начишавшись у Фихте, Гегеля и пр., или гдѣ-нибудь наслушавшись объ общественныхъ организахъ; между шѣмъ какъ и слыхомъ не слыхалъ, что Апостолъ Павелъ въ пысячу разъ чище тоже за 1800 лѣтъ говорилъ, изобразивъ *внутренній* общесшвенный организмъ, заключающій въ себѣ истинно вѣрующихъ всехъ

мѣспѣ, времянѣ и народовѣ (см. Капихизисѣ)
и въ тоже время представляющій единспвен-
ную чиспѣйшую и совершеннѣйшую основу для
всякаго внѣшняго общественнаго организма,
какъ любовь къ Богу еспѣ единспвенная чис-
пѣйшая и совершеннѣйшая основа любви къ
ближнимѣ. (Будешъ продолжаніе)

ПРОЩАНІЕ УМИРАЮЩАГО.

О гдѣ ты, гдѣ ты край прскраской,
Спрана, обѣщанная намѣ?
И пѣхѣ мой взорѣ, найдешъ ли памѣ,
Прахѣ конхѣ окропивъ слезами,
Зарыѣ своимъ я руками?
Опкрой окно! дай мнѣ взглянуть
Въ послѣдній разѣ на сводѣ небесный!
Туда и въ эпопѣ край чудесный
Мнѣ скоро смерть назначилъ пунѣ!
О милый другѣ! не плачь напрасно!
Тамѣ, гдѣ я буду, памѣ прекрасно!
Какъ мысль, чарилъ я буду въ мигѣ
Съ одной планетѣ на другую;
Отшолъ, сквозь пмы свѣпилъ злыхѣхъ
Увижу землю я родную; —
Ту землю, гдѣ я жилъ, грушилъ; —
Гдѣ рвалъ и шѣрны, рвалъ и розы,
И гдѣ впервые полюбилъ
Тебя за искреннія слезы,
За пѣжностъ взоровѣ, пламень устѣ,
За доброту прекрасимѣхъ чувствѣ!
Очамъ моимъ казаться будешъ
Земля, какъ темное пятно

Чуть видимой межъ солнцевъ; но
 Твой другъ ея не позабудетъ!
 Онъ часто будетъ съ высоты
 Смотрѣть на шаръ земной, гдѣ ты!
 Гдѣ ты одна съ душой унылой
 Госкуеишь надъ моею могилой!
 Узнаю я пивого поску;
 Покорный шайному влечению,
 Къ тебѣ на землю припеку
 Съ небесъ не видимою пѣнью!
 Коснуся тихо устъ твоихъ,
 Очей и персей молодыхъ.
 Съ тобой бесѣдовать не зримый
 Я шайно буду при лунѣ;
 О другъ, мной пламенно любимый,
 Явлюсь тебѣ я въ тихомъ снѣ;
 Повѣдаю и неба тайну,
 Какую жизнь веду я тамъ,
 Веселую или печальну?
 Внимая ты моимъ словамъ
 Съ землею захочешь разлучиться,
 Чтобы ко мнѣ переселиться.
 Когдажъ и ты небесъ законъ
 Свершишь, благословя природу,
 Твоя душа изъ тѣла вопъ,
 Какъ узникъ, выйдетъ на свободу;
 Тогда тебѣ, о милый другъ!
 Я первый встрѣшши понесуся;
 Съ тобой сольюсь въ единый духъ,
 И никогда не разлучуся.
 Не плачь, мой другъ, и не грусти!
 Подай въ послѣдній разъ мнѣ руку
 На краткую со мной разлуку.
 Съ тобой увижусь я! Прости! —

Косшрома 25. Маія 1852.

Ив. Аллкринскій.

МЕДВѢДЬ ИСТЕЦЪ.

Басня.

Въ полярныхъ сѣверныхъ спранахъ
 Жилъ, плавая на льдахъ,
 Медвѣдь огромный бѣлый.
 Разъ, пропавши на берегу день цѣлый,
 Мишукъ сельдей десятка съ три набралъ,
 И въ кучку ихъ на льдинѣ склалъ;
 А самъ куда-то ошлучился.
 Неподалеку пушъ Тюлень на камнѣ мылся;
 Къ добычѣ тихо онъ подплывъ на льдинѣ съѣлъ
 И больше половины съѣлъ;
 Онъ и оспашкомъ бы не погнушался,
 Но видя, что Мишукъ обратно приближался,
 Тюлень со льдины въ воду бухъ —
 Нырнулъ и поплылъ въ море.
 Медвѣдь, увидѣвши такое горе
 Во весь ревѣтъ принялся духъ
 Вошъ съ жалобою онъ свою
 Идетъ къ Моржу, что былъ въ губѣ судьей.
 Что жъ Моржъ? плещась въ волнахъ молчитъ.
 Вдругъ, какъ гора валитъ
 Огромный Китъ, —
 Вода топнанами надъ нимъ вверхъ свинцетъ;
 Медвѣдь нашъ думаетъ: Китъ вѣрно взыщеть
 По дѣлу моему и показитъ воровъ,
 И жалобный къ нему шлетъ ревъ,
 Но Китъ пропавъ себѣ прошенью не внимал.
 Тутъ правды нашъ Медвѣдь въ водѣ сыскалъ не чая,
 Пошелъ ошпашки дождавъ.
 Вдругъ глядь —
 Надъ нимъ Чаекъ спая
 То взадъ порхаетъ по впередъ,
 Стараясь рыбкой поживаться
 На Мишинѣ счепѣ.

Чѣмъ завтрака и вовсе не лишиться
 Медвѣдь къ нему бѣгомъ бѣжипъ.
 Поелъ, и еидя, самъ съ собою говоритъ:
 Ну, еслибъ и на птицъ птицъ искашь управы —
 По ихъ командъ? . . . и онъ бы вышелъ правъ;
 А что бы у меня осталось отъ сельдей? —
 Добиться мудрою взысканья
 Коль надобно просипъ судей
 Изъ одного съ опившиковымъ званья.

Н. Бенедиктъ.

Изъ переписки
ЖАН-ПОЛЯ РИХТЕРА
 съ
 ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.
 (Продолженіе.)

Веймаръ 11. Октября.

Графиня! — Расскажу тебѣ объ ней по-
 добнѣе. Въ Воскресенье ужиналъ я у нея.
 Прекрасный высокой спанъ, гармоническій во
 всѣхъ часпяхъ, прямой и тонкій носъ, выра-
 жающій обдумчивость, ротъ похожъ на ротъ
 Б. Все это наклонялось къ моимъ губамъ, и
 бьющееся сердце мое переселилось въ голову.
 Ея ботаническія и другія познанія, ея путеше-
 ственная внимательность ко всякой фа-
 брикѣ и проч., ея твердость и обдумчивость
 и воздержный языкъ нравятся мнѣ. Припомъ

она и бережлива, какъ вездѣ знашныя женщины. —

Вечеромъ приѣхали мы въ Готта. Въ сумерки при мѣсячномъ сіяніи передъ ужиномъ сидѣлъ я у нее на канapé. Маленькая дочь ея А. лежала у ней на одной рукѣ и молча (какъ она мнѣ сказала по Французки) изъ любви къ ней слезами намочила плапокъ ея; я лежалъ на другой рукѣ и мы во все не беспокоились о ходившихъ взадъ и впередъ лакеяхъ.

Все слѣдующее прощальное утро было не описанно нѣжно и сладостно. Я водилъ ее по Герцогскому саду. «Вы сыскали себѣ прекрасную пару» сказалъ встрѣпившійся намъ Герцогъ. Ея небесной голосъ, ея твердоспъ и вся прелеспъ ея высокаго полнаго спана совершенно плѣняющъ мое эмпирическое Я. Дѣвицы для меня выпреннїя созвѣздїа, а къ женщинамъ-друзьямъ я только нравспвеннымъ огнемъ пылаю. —

Берлинъ, 24. Октябръ.

Гердеру кажется по дурнымъ, что Гёте и Шиллеръ почищаются хорошимъ — и наоборотъ. Фридрихъ Шлегель не даетъ Виланду даже и таланпа, Якобію простаго философскаго смысла, а мнѣ приписываетъ и то и другое. Шиллеръ ничего не видитъ въ Тюм-

мелѣ, и Тикѣ, а Шлегелю они все. Гердеръ называетъ мой послѣдній слогъ классическимъ, Меркель дурнымъ. Гёте хвалитъ вялую Женовеу, Валленштейна. Виланду сначала казалось все очень хорошимъ, теперь все кажется дурнымъ. Такъ все бесполоково перепутано.

29. Октября.

Б. въ Мекленбургѣ, и ѣдетъ сюда. Графиня уже тамъ. Прекрасное эпо сердце сближается со мною. Опккровеннѣе ея никто не можетъ рассказывать о себѣ, о своихъ путешествивенныхъ приключеніяхъ. — Она даже Логику слушала у Кизевелшпера, и умъ ея совершенно философскій. Прекрасныя дочери Мейера прислали мнѣ еще до приѣзда занавѣсъ своей работы. —

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

ЕГО СІЯТЕЛЬНОСТИ

Генералъ-Фельдмаршалу Графу Фонъ-Деръ-Остенъ-Сакену.

ВЪ ДЕНЬ ИМЕНИНЪ.

1832.

(Сообщено въ Ревель.)

Вождь! намъ въ радости день твой славной —
Ты намъ пиръ роскошный далъ:

Ты сей день, въ борьбѣ неравной,
Славъ русской завѣщай. (*)

И пока спонитъ Держава
Православнаго Царя —
Не померкнетъ Россовъ слава,
Не померкнетъ и Твоя!

Но не подвигъ только рашной
Члупитъ признательно сердца:
Въ мирѣ жизнью благодатной
Заслупилъ Ты намъ Отца.

О, примижъ опть насъ за битвы
О, прими за дни добра
Наши русскія молишвы,
Наше русское ура.

* * *

Русскій переводъ

ПОВѢСТЕЙ ГОФМАНА.

Въ Ревелѣ Господиномъ Бзмкимъ переведены повѣсти Гофмана. Въ непродолжительномъ времени онѣ будутъ напечатаны. Сообщаемъ небольшое мѣсто изъ собранія повѣстей называющагося: *Сераніоновы братья*. —

(Нѣсколько приятелей послѣ двѣнадцати-лѣтней разлуки сошлись и разговариваютъ. Одинъ изъ нихъ, чшобы не разбреслись имъ

(*) Бріенская побѣда,

снова по большому городу, въ которомъ сошлись, предлагаешь установишь постоянное собраніе въ опредѣленный день, хоть одинъ разъ въ недѣлю. Это приводитъ рѣчь между прочимъ къ слѣдующему:)

»Помнишь ли, говоритъ Теодоръ, о томъ времени, когда мы въ первый разъ оставили столицу и оправились въ маленький городокъ П.*** Приличіе и обычай требовали, чѣмъ мы тотчасъ же вступили въ клубъ, составленный изъ такъ называемыхъ почешный людей города. Посредствомъ объявленія, спрогимъ дѣловымъ слогомъ написаннаго, насъ торжественно извѣстили, что мы, по окончаніи надлежащаго выбора, дѣйствительно приняты въ члены клуба; — при семъ приложена была, въ опрятномъ переплетѣ, довольно толстая книга, отъ 15 до 20 листовъ, гдѣ изложены были законы клуба. Сии законы сочинилъ одинъ старый Совѣтникъ, по точной формѣ ...скаго Земскаго Права, съ раздѣленіемъ на главы и параграфы. Ничто не можетъ быть забавнѣе этого. Такъ, на прим. одна глава заключала слѣдующую надпись: *о женищинахъ и дѣтяхъ, о ихъ правахъ и преимуществахъ*, гдѣ постановлено было, что супруги членовъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, могутъ пить чай въ домѣ клуба; въ зимнее же время разъ

пять или шесть, собратъся даже для танцования. Вразсужденіи дѣшей узаконенія были зашруднишельнѣе и содержали болѣе критики, потому что юристъ говорилъ объ эпіомъ предметѣ съ необыкновенною проницашельностію и тщательнѣе раздѣлялъ лица на младенцевъ, малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ и состоящихъ во власни родительской. Малолѣтнихъ, опносительнѣе ихъ нравственности, презабавно были подраздѣлены на скромныхъ дѣшей и шалуновъ; послѣднимъ безусловно запрещенъ входъ въ клубъ, какъ пропѣвный основному закону, по которому клубъ долженъ бытъ исключительнѣе скромнымъ. Попомъ непосредственно слѣдовала до-спопримѣчательная глава о собакахъ, кошкахъ и другихъ неразумныхъ созданіяхъ. Ни кто не долженъ былъ приводить въ клубъ какого нибудь вреднаго дикаго звѣря. И такъ если кто либо изъ членовъ держалъ у себя въ домѣ льва, тигра или барса, вмѣсто горничной собаки, то всякое покушеніе, ввести сіе животное въ клубъ, даже съ подсприженною шерстью и подрѣзанными когтями, оспавалось напраснымъ, и спаршины обязаны были спрого смощрѣть за эпіомъ. Даже смиреннѣе пудели и выученные моськи объявлены неприличными для клуба, и могли бытъ приводимы только

въ лѣтнее время, когда клубъ перебирался въ садъ, и по не иначе, какъ по дозволишительнымъ билетамъ, раздаваемымъ въ слѣдствіе комитетскаго опредѣленія. Мы — я и Лопарій, придумали презабавныя дополненія и деклараціи къ сему глубокомысленному кодексу, которыя и предложили съ торжественнымъ видомъ въ первое засѣданіе, и къ величайшему удовольствію нашему дѣло дошло до того, что объ этихъ пустякахъ разсуждали съ чрезвычайною важностью. Наконецъ нѣкоторые замѣтили безсовѣстную шутку, и намъ не спали върнуть болѣе; однакожь, чего мы ожидали, не случилось: мы думали, что намъ объявлено будетъ формальное изгнаніе. — Я очень хорошо помню объ этомъ веселомъ времени, сказалъ Лопарій, и; къ сожалѣнію, замѣчаю, что подобныя мистификаціи были бы мнѣ теперь не къ лицу. Я сдѣлался слишкомъ тяжелъ и припомъ весьма склоненъ сердиться на то, что прежде заспавляло меня смѣльсья.»

»Теперь,« сказалъ Лопарій, »выслушайте разсказъ о самомъ прошломъ клубѣ, какой только можетъ существовать. — Въ одномъ небольшомъ, пограничномъ Польскомъ городѣ, которымъ прежде владѣла Пруссія, было только два Нѣмецкихъ чиновника: Почмейсперъ старый

Инвалидный Капитанъ, и таможенный Приставъ. Оба они, ровно въ пять часовъ сходились всякой вечеръ въ гостинницъ; контора была одна только во всемъ городѣ, располагались всегда въ одной и той же комнаткѣ, куда никто не могъ входить. Таможенный Приставъ, съ дымящеюся трубкою во рту, обыкновенно сидѣлъ уже за своей кружкой пива; когда являлся Капитанъ. Последний, говоря: каково поживаете, почтеннѣйшій? — садился къ столу противъ Пристава закуривалъ заблаговременно набитую трубку, вынималъ изъ кармана вѣдомости, внимательно читалъ оныя и передавалъ прочитанные листы Приставу, который съ такимъ же вниманіемъ предавался чтенію. Въ глубокомъ молчаніи пускали они другъ другу въ лице густыя облака дыму, и такимъ образомъ просиживали до восьми часовъ: тогда Приставъ вспавалъ, выбивалъ трубку, и говоря: да, вотъ каково, почтеннѣйшій! — осматривалъ гостинницу. — И они съ важностію называли это своимъ клубомъ.

ЗАТѢЯ РИШЕРА ВО ФРАНЦІИ.

Между швѣдъ какъ Нѣмцыя полуумники созерцають да прагматизируютъ, между швѣдъ во Франціи рубятъ съ плеча.

Тамъ послѣ Сенъ Симонистовъ затѣяли еще одну философско-религіозную теорію всеобщаго преобразованія, да теорію всеобщаго преобразованія, не то, что просто школьную систему. Правда, изъ пухаго-то омуха школьных системъ и вылезаютъ обыкновенно такіе преобразователи. Нѣкто Эдуардъ Ришерь написалъ книгу: ея заглавіе показываесть и цѣль и основаніе мудрости, которую онъ проповѣдуетъ; она практуесть о *Новомъ Иерусалимѣ* и вопъ торжественное объявленіе объ ней, повторенное множествомъ газетъ и журналовъ:

»Въ замѣчательную эпоху, до которой достигло *Общество Европейское*, все хотяшъ теоріи, которая основывалась бы на прочномъ основаніи публичнаго права, которое было бы защитою для всякаго, Философіи, которая нынѣ стала предметомъ разысканія многихъ, и Религіи, которая есть всеобщая потребность. Все хотяшъ результатовъ, такъ сказать матеріальныхъ, которые ввели бы сію теорію въ практическую жизнь; хотяшъ въ изложеніи истины правилъ обдуманыхъ, и приношеній положительныхъ и удобопотребительныхъ; и сверхъ всего этого хотяшъ безпристрастія, общности, и терпимости. Философія, изложенная въ объявляемомъ сочиненіи, кажется соотвѣтствующею всѣмъ симъ требованіямъ. Прошедшее не удовлетворяесть уже ни кого; но на развалинахъ разрушенныхъ мифовъ и опровергнутыхъ вѣрованій должно было опасаться что нибудь такое, чего презрѣніе и проскрипціи не достигли.« Тутъ утврѣесть сочинитель, что и Сенъ Симонъ того невидумывалъ, что онъ съ Шведенборгомъ. Потомъ продолжаесть: »Новый Иерусалимъ Шведенборга обнародованъ во время свирѣпствованія чевтрія и основанъ въ дѣйствіи своемъ нашими полипическими смяшеніями. Не находилось до сихъ поръ защитниковъ сего творенія. Просвѣщенная Европа ожидаесть, чтобы ей данъ былъ опечель о религіозномъ познаніи сего челоуѣка, котораго наука считаесть въ числѣ своихъ самыхъ прекрасныхъ геніезъ. Наше время есть то, которое онъ первый обозначилъ какъ новую эру; намъ принадлежить следовательно принести сей эпохѣ данъ поученія, которое онъ собралъ для ней.« Еще не развѣглась философія эпа, потому что Сенъ Симонисты пока

не забыты. А не мудрено, что скоро и она о-шайко-творитъ газетноопивленное существованіе свое. —

Между пѣвъ кстапи, полагаемъ, здѣсь сказать о томъ, что такое Шведенборгъ и ученіе его. Это пояснить намъ, чего Г. Ринеру хочется.

ШВЕДЕНБОРГІАНЕ.

Эта секта существуетъ нынѣ преимущественно въ Лондонѣ, Бристолѣ, Бирмингемѣ, Манчестерѣ, Норвичѣ, Салисбюри, Ливерпулѣ и пр. Она называется также Церковью Нового Иерусалима. Имануилъ Шведенборгъ или Шведбергъ родился въ Шпоктольмѣ въ 1688. году. Онъ выдавалъ себя за посланника Божія, назначеннаго для того, чтобы возстановить падшую Религію, усовершенствовать самое Христіанство новыми откровеніями, послѣ Вѣтхаго и Нового Завета установивъ еще преній Заветъ и основавъ новую Церковь. Въ 1740. году обнаруживалъ онъ мечтанія свои о духовномъ мірѣ и спалъ привлекая къ себѣ последователей, которыхъ вскорѣ нашлось весьма много въ Швеціи, Англіи, Франціи, Остѣндѣ и Сѣверной Америкѣ. Молельи они впрочемъ нынѣ не имѣютъ нигдѣ, кромѣ выше указанныхъ мѣстъ въ Англіи. Тамъ они совершаютъ свое богослуженіе и крестятъ последующей формулы: »Крещаю тебя во имя Господа Іисуса Христа, который есмь Отецъ, Сынъ и Св. Духъ.« Крещающій увѣщеваетъ воспріемниковъ, воспитывать дѣтя въ последованіи правиламъ Священнаго Писанія и небесному ученію, возстановленному Господиномъ Имануиломъ Шведенборгомъ. По ихъ мнѣнію Спрашныи судъ давно уже былъ и новый Иерусалимъ уже низшелъ на землю; только они еще ищутъ его и думаютъ, что онъ находится во внутренности Африки (*) — Непомнимъ, какъ-то, случилось намъ прочесть въ одной критической газетѣ Нѣмецкой послѣднихъ годовъ подобную же мысль, только болѣе сообразную съ высокою степенью нынѣшняго Европейскаго просвѣщенія. Тамъ

(*) См. Спятистику Вѣискаго Профессора *Бизингера*.

думаютъ, что Страшный судъ насталъ и продолжается со времени возсѣпановленія паукъ. А судить кто? Разумѣется — Прагматики, Криптики, Рецензенты. Они спало бы не принимаютъ, чтобы новый Иерусалимъ уже былъ на землѣ. Верно, не принимаютъ; но, должно быть, Философія-то и занимается построеніемъ его: посмотришь, кто — матеріалы свозить, кто систематическіе планы чертить, кто — камни тѣшить..... Однако, какъ видимъ, уже началось между строителями великое смѣшеніе, какъ при Вавилонскомъ столпопвореніи. — И Г. Ришеръ не далеко уйдетъ. Ясно, что и ему, какъ всемъ подобнымъ строителямъ, чудится, что мудрецы новые представили свѣтъ и настало Царство Божіе. Да и не ему одному это чудится. Въ разныхъ видахъ, подъ разными выраженіями все модники-просвѣтители поже проповѣдуютъ. А отъ куда все они берутся, эти господа архиепископы новаго міра? Отъ куда иначе, какъ не изъ тѣхъ же школьныхъ мудростей? —

О С К О Л К И
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА
Г Простодулова.

НОВАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Изъ самыхъ *несомнѣнныхъ* историческихъ событій двѣ эпохи заслуживаютъ особенное вниманіе: *слишеніе языковъ* при строеніи Вавилонскаго столпа, и *соединеніе языковъ*, при сошествіи Духа Святаго на Апостоловъ.

П О Ц Ъ Л У Й.

Какъ уста суть органъ слова, которое само есть органъ и выраженіе духа; но люди всехъ странъ и всехъ вѣковъ заклю-

чили, что въ сближеніи двухъ ушей есть *что-то священное* — смышеніе двухъ душъ. — Религія установила при алтаряхъ своихъ *любленіе міра*, въ самыя святыя минуты — не безъ важной причины! — Опцы Церкви уже жаловались, что преступленіе злоупотребляетъ *сей священный и таинственный знакъ*. — Но какъ-бы то ни было, и въ оскверненіи его развратомъ и въ страхъ оныхъ него нестоворчивой спыдливости, и въ ангельской улыбкѣ чистыхъ ушей супруги и матери, откуда *всесмірность и сила его?*

М Е Т А Ф И З И К Ъ.

Смышеніе пошъ *Метафизикъ*, который проводитъ цѣлую жизнь въ этомъ, чпобъ доказывать, что пошъ *Метафизики*, и что оны самы есть только *славное животное*, въ которомъ дышетъ духа. —

КРОХИ (Brocken) Гамана.

С Е Б Я Л Ю Б І Е.

Не простыя ли это явленія себялюбія, что мы означаемъ понятіемъ свободы? Себялюбіе есть сердце нашей воли, изъ котораго всѣ наклонности подобно кровеноснымъ жиламъ истекаютъ и въ которое шакъ же возвращаются. Мы не можемъ ни хотѣть, ни думать, не сознаясь въ самихъ себѣ.

Какъ всѣ наши познавательныя силы имѣютъ предметомъ самопознаніе, точно такъ и всѣ наклонности и желанья наши имѣютъ средопочіемъ себялюбіе. Первое есть наша мудрость, второе наша добродѣтель.

ОСЬДЛОСТЬ.

По Римскому праву запрещалось воинамъ покупатьъ земли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вели войну. Въплъ Римскі законъ, осуждающій Христіанина, который призванъ быть борцемъ на землѣ, а заботился объ осьдлости на ней.

КАПЛИ И БРЫЗГИ ДОЖДА ПОЗНАНІЯ.

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ.

(Къ Пасцещію, который похвалился что побѣдилъ
Августина.)

Легко кому нибудь побѣдить Августина, истинною ли, или крикомъ, не мое дѣло о томъ говорить. Мнѣ прилично только сказать: очень легко побѣдить Августина, и тѣмъ легче показаться побѣдившимъ его, или даже и не показаться, а только быть ославлену. Это очень легко: мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты считалъ это за что нибудь великое, а тѣмъ менѣ искалъ бы много какъ будто бы чего нибудь великаго. Не въ томъ состояши благо челоѣку, чтобы онъ побѣдилъ другаго челоѣка. Но великое благо для него, когда надъ нимъ, и согласно съ волею его истина одержиши побѣду; ибо великое зло для него, когда истина одержиши надъ нимъ побѣду пропниъ его воли; истина все таки одержиши верхъ надъ челоѣкомъ: если не надъ иповѣдующимъ ее, то надъ опречающимъ отъ нее.

Бл. Августинъ Epist. cccxxviii. Г. II. pag. 853.

ВЪ ТЕРЬ И БУРЯ.

Тода два тому назадъ Профессоръ С., бывши въ Ревелъ, разсказалъ въ одномъ собраніи слѣдующее: » Не давно мнѣ случилось прочесть въ одномъ Физическомъ журналѣ о новомъ наблюденіи надъ вѣтромъ. Замѣчено, что если вѣтеръ идетъ боль-

идею полоскою въ одномъ направленіи, то постепенно онъ него
произходящія бури идутъ въ противоположномъ направленіи, такъ,
что, если въперъ начнется въ Сѣверной Америкѣ и идетъ вдоль
всей Америки на югъ, то бури начинаются на югъ и подвиг-
аются постепенно на сѣверъ. Я долго не могъ этого себѣ объ-
яснить. Но увидѣлъ, что это очень естественно, вспомнивъ,
что, когда льешь воду изъ бутылки, то пузыри имѣютъ на-
правленіе отъ горлышка бутылки ко дну. Вѣроятно въперъ
имѣетъ до нѣхъ поръ одно движеніе, пока не всплыветъ чего
нибудь на пути, что могло бы послужить ему преломленіемъ,
на пр., горъ, пропастей и т. п. « Такъ-то, подумавъ я, и благо-
датный въперъ небеснаго просвѣщенія шелъ съ востока на западъ
обширною полоскою, пока не спалъ преломляясь въ разныхъ
мѣстахъ на западъ въ Европѣ и въ Америкѣ и не спалъ возвра-
щаясь пузырями философскими да вихрями. —

С Ч А С Т Ь Е.

Кто достоинъ быть счастливымъ, тотъ уже счастливъ
хотя счастье и гнѣвно къ нему. *Оксентиртъ.*

М А Л Е Н Ь К А Я Ж Е Н А.

Одного спросили, зачѣмъ онъ женился на такой маленькой
женѣ. Онъ отвѣчалъ: »Такъ какъ жена есть зло, то я изъ
многихъ злъ выбралъ самое малое.« *Онъ же.*

Б Р А К И.

Говорятъ, что всякій бракъ въ себѣ заключается: правдами
это, я незнаю: но есть довольное число браковъ, коихъ кон-
трактъ письмененъ совершенно — въ аду. — *Онъ же.*

О С Т Р О Т А У М А .

Самое вѣрное доказательство остроумья, есть опроверженное сознание въ своемъ невѣжествѣ. — *Ольга.*

О ПЕРЧАТКѢ БРОШЕННОЙ Г. АКАДЕМИКОМЪ ВЕЛІАНСКИМЪ. (См. Сѣверн. Пчелу 1852. года No. 155.)

Не подиать собираемся эту перчатку, а только слова два сказать объ ней хотимъ. Подиать не отваживаемся:

Вопервыхъ поному, что въ Шеллинговой системѣ, какъ уже сказано въ статьѣ: «Гдѣ мы ищемъ свѣта!» въ первой книжкѣ Радуги, заключающія ончасни истины изъ Священнаго Писанія какъ изъ всеобщаго семенника истины почерпнуныя, но въ зависимости отъ онаго развиныя, и потому темныя и подозрѣныя, ончасни же извращеніе истины сихъ, происходящее отъ ложнаго начала $A = A$. Согласно съ первымъ, *указаны* Шеллингомъ живыя силы въ природѣ, вмѣсто мерныхъ механическихъ свойствъ, какія вѣдѣла въ ней Физика, до него господствовавшая. И только поному и удалось ему испровергнуть мерную Физикку, что отъ, хотя немно и нечисто, намекнулъ на цѣлостную жизнь міра, которую уже и Моисей и чистю и ясно и точно и вѣрно по Божодуховенію представилъ. Извращеніе же истины, заключающихся въ Св. Писаніи, составляютъ въ его системѣ собственно такъ названныя имъ трансцендентальныя гипотезы его. Здѣсь отъ не возвысившись до понятія о той самосознательной и всемогущей независимой индивидуальной личности абсолютнаго Универса (какъ ему угодно было назвать Бога), о которой намъ нашимъ человеческимъ языкомъ такъ ясно говорить Св. Писаніе, попалъ на необходимый, непрейденный, неподойный и даже непрейденный камень преткновенія. И отъ того-то его и его послѣдователей Психологія, Эпика, Эстетика представляютъ самый нестройный

хаосъ. — Но Д. М. Велманскій вызываетъ въ борьбу съ нимъ ослышъ, о пияжеспи, о магнепизмъ, объ электрицизмъ и проч. и пребуетъ, чтобы *противное изложеніе было выведено изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія*. Доказывая, что Шеллингъ отчаспн тоже сказалъ, только темнѣе и нечисно, что Св. Писаніе говоритъ, не значило бы оспаривать его; а указывать въ подтвержденіе противныхъ положеній на Св. Писаніе — не значило бы выводивъ противное изложеніе изъ высшихъ началъ умозрительнаго понятія; и по окончаніи борьбы ни за что ни прочто пришлось бы пожалуй заплатить за каждый обспоренный предметъ по 500 рублей, а всего за всѣ предложенные семь предметовъ 3500 руб. Это, кажется, нѣсколько дорогая плата за одно удовольствіе — во услышаніе всѣхъ поспорить съ уважаемымъ и почитаемымъ Господиномъ Академикомъ. —

Вопроыхъ какъ-то не ловко поднять перчатку Г. Велманскаго и для того, чтобы не могли люди сказать, что и у насъ на Руси Испину начали за деньги показывать и победы ея увѣнчивать денежными вознагражденіями, какъ увѣнчана была побѣда покойнаго Лукина надъ Англійскимъ сплачемъ, который бралъ извѣстную сумму со всякаго, кто не могъ сшибить его со скамѣчки, на которой онъ сплялъ, и предлагать все, что имѣлъ, тому, кто сшибетъ его съ шаткой подставки. Напъ Лукинъ, говоря, очень ловко и легко сшибъ его и, забравъ кучи денегъ, вокругъ скамѣчки накладешилъ, роздалъ ихъ своимъ манпросамъ.

Если же бы нашелся охотникъ вступитъ въ предлагаемое единоборство, то думаемъ, что онъ не дурно бы сдѣлалъ, пригласивъ могущественнаго соперника своего вступитъ съ нимъ въ состязаніе о какомъ-нибудь другомъ предметѣ вмѣсто предлагаемыхъ, на пр. хопъ о сплачъ: *геловъкъ* въ Біологическомъ изслѣдованіи Природы въ творящемъ и творимомъ ея качествахъ. Если бы въ эту или подобную статью, какъ въ високъ, направилъ новый Давидъ працу свою, то незнаемъ, на чей бы сплоронъ побѣда осталась,

ОСТЬ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

ИМПЕРАТОРЪ ВЪ РЕВЕЛѢ.

15. Іюня.

Пушка! — два при чешыре
..... одиннадцать еще одинъ выстрѣлъ,
такъ вѣрно Царь двѣнадцать! Царь, Царь
ѣдетъ! Спупай! спупайте! Пойдемте!

Народъ по Морской улицѣ шакъ и сыплеть.

Guten Tag, Herr W.; der Kaiser....

— Ja, eine Schaluppe mit der Kaiserlichen Standarte
ist schon in der Rhebe; ich sah vom Dom.

— Kommen Sie geschwinde!

— Ich kann nicht so schnell; ich komme schon.

— Такъ прощайте.

Всѣ спѣшаютъ, дѣти бѣгутъ, старики за-
дыхаются, на всѣхъ лицахъ радость и непер-
пѣніе; въ груди шеплеть.

Мостъ изъ Морскихъ воротъ къ берегу,
аллея близъ берега, длинный мостикъ въ море

полны людей. Зрипельные трубы, телескопы, пиробочки, лорнетсы обращена къ морю. — Государь на двойной башпареѣ на рейдѣ.

Вопль шлюпка опчала. »Государь стоипѣ« говорящѣ телескопы. Въ чемъ, съ кѣмъ, кпо въ какомъ положеніи телескопы разказываютъ и всѣ съ жадною радостью слушають. Шлюпка плыветъ къ гавани и всѣ спѣшатъ въ гавань. Не идутъ, бѣгутъ. Ахъ, Государь! Твое сердце ощущало бѣненіе сердець нашихъ! Ты чувствовалъ, какъ теплою жизнью сердца наши таяли и тая — росой любви угаданной наполняли глаза наши! Ты невидимо видѣлъ, какъ иной, шочно нектаръ, глоталъ горячее дыханіе груди, порывавшееся излиться изъ глазъ его; Ты невидимо видѣлъ ту жемчужную слезу, копорая скаплась на серебряную бороду добраго спарика, на закашъ дней своихъ еще разъ надѣявшагося увидѣть солнышко, обогрѣвавшее земную жизнь его.....

Въ нѣсколько минутъ вся гавань полна. »Куда приспанетъ Государь, къ военной или къ купеческой гавани. »Лучше ждашь на перекресткѣ; здѣсь Онъ непременно поидетъ.« —

На западѣ была тучка; приблизилась и дождь пошелъ. Счастливыи приѣздъ, говоритъ

спарушка подлѣ. Это изображеніе радостныхъ слезъ, копорыми встрѣчаютъ Эшландцы Ошца-Государя, подумалъ поэтъ. Давно ждали дождя, сказалъ претій; Государь привхалъ и дождикъ пошелъ. — А вы куда П. Л..чь? Не хошите дождаться? — Государь приспалъ къ пароходу, на копоромъ Великія Княжны Его ожидали. Часа черезъ два, говоряшь, поѣдетъ въ Соборъ. Да половина же втораго: радовашся Царю радуйся, а дѣла не забывай.

Пятый часъ послѣ обѣда. Въ городѣ пишина. Гдѣ, гдѣ видѣнъ пѣшеходецъ идущій вонъ, на Нарвскую улицу. По Нарвской улицѣ и идущъ и ѣдущъ — всѣ въ Капериненшалъ. Въ Капериненшалѣ въ роцѣ передъ дворцемъ и въ саду подлѣ дворца песпрѣшетъ множесцво. Привѣшливо Великія Княжны кланяющся изъ окошекъ въ садъ и всѣ, безъ разбора возрастовъ и соспояній, пѣснящся къ окнамъ.

»Государь съ параднаго крыльца ѣдетъ на смотрѣ« раздалось; и всѣ спѣшашъ шуда гдѣ коляска поѣдетъ. »Ура! ура!« заспонало не у параднаго крыльца, а въ саду! и полны радостныя спремашся на Лаксбергъ, — осну-

паюшся, падаюшъ, вспаюшъ, бѣгутъ и посреди всѣхъ — по дикимъ, узенькимъ ступенькамъ идешъ Государь. По дикимъ ступенькамъ — но по какимъ коврамъ, по какимъ прошеямъ могло бы бытъ Опцу-Монарху сладостнѣе шеспвовашъ? Живыми цвѣтами сердець преданныхъ, цвѣтами любви и радости ушлана была, вся дорога, которой касалась стопа Царспвенная!

Густой шуманъ лежалъ на горѣ и тускло виднѣлись сквозь него ряды двухъ полковъ. Полувенцомъ окружило вершину горы песпрое множество счастливо-радостныхъ. Каждый звукъ, каждое мановеніе Царя производили сильнѣйшее бѣеніе въ груди. Видѣли ли вы близко? — Я шла подлѣ самаго Его. — Я въ первый разъ вижу; ахъ какъ привѣшл..... Я въ Пешербургѣ А, Н. Н..чь, здравствуйте! и вы здѣсь. — Какъже! Выздоровѣлъ и помолодѣлъ, чтобы Опца посмопрѣшь. Успалъ, бѣжалъ на гору.

♦ Дождь. Песпрое множество закрылось тысячьо зоншиковъ. — »Царь не боишся дожда.« — Дожда ли одного, огня и враговъ не боишся, забоишся о томъ чтобы намъ нечего было боишся прибавилъ другой.« —

Смотръ кончился. Царь подъ дождемъ и по стѣмъже ступенькамъ водворецъ идешь, и снова спелянъ благословенія по пупи Ему, и снова бѣгутъ и падаюиъ вокругъ Него и »ура!« ходишь по множеству.

14. Июня.

»Уѣхалъ Государь.« — Да, уѣхалъ; осмотрѣлъ Западную башпарею, Олаевскую Церковь, Военную госпиталь и часу въ двѣнадцатомъ уѣхалъ. — »Говорятъ однакоже, что скоро опянь будешь. Великія Княжны здѣсь проживутъ нѣсколько недѣль. Гоповыпесъ вспрышишь.« — Мы по силамъ цѣлый годъ гоповимся. Однако до свиданія. — »Вы въ Гимназію?« — Да. —

»Ну что, видѣли Государя? — Какъже, видѣли. — Видѣли. — Ich bin ganz nah bei Ihm gewesen. — Wie Er freundlich grüßte! »По Русски говорите, по Русски.« — Ja built ofſſen blißfo. — Какъ говорятъ Государю? ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО? — »Да, такъ.« — Siehst Du, ich habe recht. — »Однако пора по мѣстамъ садиться. Садись. Вотъ, Государь опянь придетъ; придетъ въ Гимназію, да заговоритъ съ вами по Русски; а вы ничего не знаете; какъ по отвѣчаешь будете.« — Мы ... я ...

Довольно, довольно; гдѣ мы прошедшій разъ остановились? —

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

(Записка Г. Подполковника *Дингельштедта*.)

(Окончаніе.)

Между тѣмъ не прошло десяти минутъ какъ упомянутое судно съ нами сблизилось. Шкипера помощію руперовъ вступили въ разговоръ; и скоро открылось, что они не только одноземцы, но даже съ давнихъ временъ другъ друга знаютъ; а такъ скоро шкиперъ нашего судна описалъ свое бѣдственное положеніе и усердно просилъ помощи; по землякъ его съ большимъ удовольствіемъ изъявилъ готовность оказать ему всевозможное пособіе, и поспѣше же сѣлъ въ яликъ и прибылъ на наше судно, чтобы осмолить его и сдѣлать возможное пособіе; прибытіе его къ намъ на судно меня совершенно оживило. Съ большимъ рвеніемъ описывалъ я ему наше опасное положеніе, краткость осмывавшагося времени и представлялъ всѣ возможные доказательствва, что всѣ спаранія къ спасенію судна будутъ бесполезны; но какъ онъ желалъ прежде осмолить наше судно чтобы въ немъ лично удостовѣриться, чрезъ

чно и самъ подвергался очевидной опасности, но я неотступно просилъ его приказать на его яликъ опсправить меня не медленно на его корабль, на что онъ согласился, приказавъ однако мапросамъ поспчасъ опять прѣхать за нимъ съ тѣмъ же яликомъ, прудно описавъ чувство моей радости когда я вскочилъ въ яликъ и мапросы опвалили опъ несчастнаго нашего судна; предспавыте себѣ перемѣну двухъ противоположныхъ чрезвычайностей, переходъ опъ смерти къ жизни. Сажаясь поропливо въ яликъ, я не думалъ объ оставшемся на суднѣ экипажѣ. Добрый Юнга успѣлъ бросить мнѣ въ яликъ часпъ моего плащя и бѣлья; вспуливъ на новое судно подъ названіемъ *дружба*, я теплѣйшими молиствами благодарилъ Создателя, что избавился люпой смерти. Мапросы копорые меня привезли, сказали Шшурману, что Капишанъ велѣлъ меня принять на судно, а сами поспчасъ опять поѣхали за своимъ Капишаномъ, Шшурманъ говорилъ мнѣ, что въ каюшѣ мѣста нѣтъ; тогда я ему по Нѣмецки опвѣчалъ, что я и съ мапросами охотно готовъ кое-какъ помѣститься. Онъ весьма обрадовался, когда услышалъ, что я говорю по Нѣмецки, и поспчасъ предложилъ мнѣ свою кою, чтобы я отдохнулъ или лучше сказать опомнился опъ претерпѣннаго спрахъ,

потомъ принесъ мнѣ кусокъ солонины и бутылку вина, увѣряя, что это будетъ весьма полезно для меня; нельзя умолчать какое искреннее участіе бралъ во мнѣ сей простой морской служитель. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ на нашемъ кораблѣ топотъ. Легко мнѣ было догадаться, что то былъ Капитанъ съ мажорсами несчастной Каролины (имя нашего судна.) Я всталъ, вышелъ на палубу, чтобы взглянуть, что дѣлается съ оставленнымъ судномъ и увидѣлъ, что точно оба капитана и всѣ мажорсы приѣхали на новое судно и спояли обороты глаза въ безмолвіи на оставленное. Я присоединился къ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ — судно наше поперяло балансъ, вдругъ спало на носъ перпендикулярно, и въ одно мгновеніе исчезло какъ бы въ бездонную пропасть; погруженіе его въ море произвело на поверхности онаго какъ бы изъ мелкаго дождя высокую колонну при появленіи копорой слышенъ былъ ударъ подобный пушечному выстрѣлу, послѣ чего на томъ мѣстѣ поверхность воды сдѣлалась тихой и гладкою подобно зеркалу. Тогда несчастный шкиперъ, будучи очевидцемъ потери своего судна и всего съ нимъ имущества — споялъ какъ мертвый; по блѣдному лицу его лились ручьемъ слезы, и языкъ его онемѣлъ.

Капитанъ судна дружбы принимая искреннее участіе въ несчастіи своего товарища, спарался всячески его утѣшать и убѣдительно просилъ не оплакивать невозвратную потерю; онъ пригласилъ насъ дружески въ наполненную дорогими винами и разными ликерами каюту; гдѣ покрайней мѣрѣ мы сѣли по боченкамъ и держа въ рукахъ подобно Бахусу наполненные нектаромъ спаканы, согласились забыть минувшее несчастіе. Первой тоасть мы выпили единодушно за здоровье добраго Капитана Г. Евке, нашего избавителя.

Черезъ три дни мы прибыли обратно на Кронштадтскую рейду. Лишь только я успѣлъ сдѣлать шагъ на твердую землю, какъ услышалъ первой колокольный ударъ къ Вечернѣ и я поспѣшилъ во Храмъ Владимирской Божіей матери воздать благодареніе Всемогущему за избавленіе насъ отъ гибели въ глубинахъ морской.

25. ІЮНЯ въ РЕВЪЛѢ.

Къ исходу Іюня Ревель оживаетъ. Сѣзжается Дворянство изъ Губерніи для разныхъ сдѣлокъ, закупокъ и веселій, Духовенство для Синодальныхъ совѣщаній, Купечество, опчаспи

и изъ С. Пешербурга, на ярмарку, вдушь служилели и пинюмцы Музь съ Парнасса Оспъ-Зейскаго, изъ Дерпша, отдохнушь ошъ шрудовъ въ свѣжемъ Ревелѣ, вдушь изъ Пешербурга, Риги, Вильны, Вишебска, изъ разныхъ мѣстъ — подышаешь цѣнишельнымъ воздухомъ возвышеннаго морскаго берега. Городъ полонъ, Спукъ карентъ и бричекъ, мельканье лицъ и одеждъ по улицамъ, кипѣнье на подворьяхъ *Николаевской* или *Липовой* церкви, (гдѣ впрочемъ между разными предметами роскоши можно видѣшь и Еруслана Лазаревича и Емельяна дурачка и романы Орлова и — и пр. въ одной лавкѣ съ мыломъ, щипцами, оловянными рыбками и ш. п.) балы, косморамы, волпижеры, гулянья по окрестностямъ и пр. и пр.... короче, Ревель около *Иванова дня* съ своими кривыми и узкими улицами, гошическими, оспроконечными и какъ-бы въ неспройныя толпы сбитыми домами, и черными шпицами высокихъ башенъ, посреди своихъ полудеревенекъ-предмѣстій, своихъ Неаполипански-прелестныхъ окрестностей и взморій, и обвѣваемый свѣжимъ дыханіемъ, жизнь и розы на лица прекрасныхъ навѣвающего, вѣпра морскаго, — Ревель становился какимъ-то какъ-бы волшебнымъ сосредоточеніемъ жизни споличной и сельской, сѣвера и юга, моря и суши.

Таковъ Ревель каждый годъ въ исходѣ
 Іюня. И нынѣшній годъ все поже въ немъ,
 но только съ большимъ одушевленіемъ, та же
 жизнь, но живѣе и радостнѣе. Нынѣшній годъ
 Ревель осчастливленъ присутствіемъ Имъ Им-
 ператорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ
Маріи Николаевны, Ольги Николаевны и Алек-
сандры Николаевны. Одна мысль, что уголокъ
 нашъ хотя на время сталъ столицей, сто-
 лицей семьи Государевой, уже она одна должна
 усилить жизнь въ сердцахъ нашихъ. Скажите,
 жители Столицы при Невской, почему вамъ
 такъ мила Столица? Неужели потому, что
 въ ней беспрестанное кипѣніе всякаго рода
 жизни въ приятное самозабвеніе погружаетъ
 васъ? что театры, вечера, соревнованіе всѣхъ
 возможныхъ талантовъ, что все это обла-
 даетъ какимъ-то волшебствомъ, наводитъ на
 васъ приятный чадъ необынія? Или неужели
 пленяетъ васъ удачный сбытъ веществен-
 ныхъ и идеальныхъ вашихъ товаровъ, произ-
 веденій видимыхъ и невидимыхъ художествъ и
 хитростей вашихъ? Нѣтъ, тысячи изъ васъ
 очень хорошо, и сердцемъ, знаютъ, что все
 это, и вѣчное въ-себя и вѣчное достиженіе
 мелочныхъ цѣлей своихъ спановится скучно,
 припорно, прошивно; вы все это знаете, и не
 этимъ пленяетъ васъ Столица. Но въ Столицѣ

средоточіе той силы, которая жизнь разли-
вается на все огромное тѣло общества. Сла-
достно ощущать дѣйствіе лучей этой силы
и издали и съ Кавказскаго утеса и съ ледянаго
мыса, или и вдали бытъ проводникомъ ихъ
ревностнымъ; но сладостнѣе и радостнѣе ви-
дѣть, видѣть глубокимъ взоромъ сердца, какъ
они изъ самаго источника истекають. Како-
во-же радостно должно бытъ уголку великаго
Царства, чувствовать себя, хотя на короткое
время, столицею, столицею внутренней, сѣмей-
ной, сердечной стороны того центра, который
одушевляетъ все великое тѣло! Это-то со-
знаніе удваиваетъ жизнь уголка-Ревеля.

Не станемъ описывать всѣхъ подробнос-
тей этой жизни въ Ревель, укажемъ только
въ короткихъ словахъ на одинъ моментъ про-
явленія ея 25. Іюня.

Прошу для того Читателей прежде пере-
селишься съ суши на рейдъ Ревельскій. Въ
объятіяхъ живописныхъ взморій вы увидите
зеркальную поверхность, оканчивающуюся
вдали смѣнаніемъ съ блѣдно-сѣвѣрною синью неба.
Поверхность эта усеяна какъ бы купами раз-
бросанной безлиственной роуцы — это часомъ
Балтійскаго флота подъ начальствомъ знаме-
нитаго Адмирала нашего *Гамильтона*. Пере-
плывиши съ берега шуда, хоть на сѣдесяти-

пушечнаго гиганта, на пять съ половиною сажень возвышающагося надъ зеркаломъ моря, на флагманскій или начальствующій корабль »Георгій Побѣдоносецъ«, подъ командою Капитана первого ранга *Михайла Николаевича Лермантова*. А если вы въ первый разъ на военномъ кораблѣ, то воспользуйтесь дозволеніемъ благосклоннаго и радушно-привѣтливаго хозяина его и осмотрите анатомически и физиологически и, если угодно, даже философически всю внутренность искусственнаго Левиаѳана. Корабль для живнеля суши совершенно новый міръ. Посмотрите на гармоническое устройство и расположеніе всѣхъ частей и всего цѣлаго въ этомъ плавающемъ изображеніи благоустроеннаго Государства. Всмотритесь въ стройныя движенія корабельнаго и всего флотскаго управленія — почти одними мановеніями производимыя. Наконецъ послѣдите сердцемъ дружественное соединеніе всѣхъ членовъ экипажа въ одно органическое цѣлое, это, благоустроенною дисциплиною связанное и въ тоже время взаимною довѣрчивостью и общимъ одушевленіемъ стремленія къ одной общей цѣли поддерживаемое, Общество, посреди котораго, какъ добраго пушечнаго главу семейства, увидите начальника дружелюбнаго и всѣми любимаго. Всмотритесь, какъ всѣ оп-

дѣльныя цѣлыя, какъ планеты отъ солнца, зависящъ отъ одного центрального тѣла, съ копорого, какъ мысль, какъ воля, спокойно, но могущественно одинъ, опытами убѣленный, предводишель всѣ движенія ихъ устроиваетъ.

Знаетели, что? Собралъ бы я, еслибъ можно, всѣхъ упонченныхъ, запредѣльныхъ мыслишель Германскихъ, Московскихъ, Петербургскихъ и пр., да посадилъ бы на одинъ огромный корабль, и пустилъ бы въ море, да поднималъ бы бурю, да заславилъ бы ихъ лавишь по мачтамъ. Забыли бы, я думаю, доказывать, что мысленіе есть главная цѣль бытія человѣческаго; забыли бы сочинять курсы философскія для всякаго; забыли бы проповѣдовать о неприкосновенности естественной свободы человѣка, о нравственномъ достоинствѣ его; забыли бы созерцать да объ новомъ Іерусалимѣ фантазировать; увидѣли бы, что такое есть спиройное, органическое соединеніе людей на шеперешней землѣ; и на конецъ почувствовали бы, какъ бы корабль по волнамъ какъ перышко спало метать, что выше: знать или вѣрывать? жить умомъ или сердцемъ? быть холодно-добродѣтельнымъ или радушно-добрымъ? Ахъ, забыли бы въ общей опасности оппечливо-наблюдательную, часно почти рецензенщную, взыскательность въ

общеспивенной жизни; полюбили бы называемую ими простотою довѣрчивость Христіанскую но я заговорился. Оставимъ ихъ; пусть имъ изъ кабинетовъ ихъ кажется море поколѣна. Взгляните, Чипашели, съ Георгіа на югъ. Видите ли зеленѣющійся уваль, который полкружіемъ легъ между небомъ и моремъ? Видите ли влѣвъ, гдѣ повисился уваль, бѣлѣетъ прекрасное зданіе? Это сахарный заводъ, недавно купленный Г. Пономаревымъ. Тамъ каждое лѣто живетъ семейство нашего незабвеннаго Карамзина, того Карамзина, который воспитывалъ насъ, воспитывалъ не къ мудрованіямъ, а къ добрымъ познаніямъ, того Карамзина, который разкрывалъ въ насъ юношескія сердца наши къ принятію сѣмянъ кропкой, Христіанской мудрости. Видите ли поправѣ гусная роца? Возмите трубу зримельную. Вотъ между деревьями едва видите дворецъ Кашериненпальскій. Жаль, что не видно отсюда маленькаго дворца Петра I., въ стѣнѣ котораго еще и теперь незакрашенъ кирпичъ, который Онъ Самъ вложилъ своеручно во время постройки дворца. Наконецъ, обратитесь еще далѣе вправо, гдѣ опять повисился уваль. Какъ живописно бѣлѣетъ и пестрѣетъ и черными верхами башенъ въ небо пропикаетъ гошическій Ревель!

какъ могущественно возвышается подале отъ него вправѣ еще недостроенная западная башня! Видишь ли но вотъ пушка съ крѣпости, вотъ еще, еще облака дыма поднимаются съ двухъ сторонъ города. Въ Церкви Св. Николая кончилось молебствіе. Всмотритесь на рыцарскія зданія, на крупизнѣ скалы возвышающіяся. Посреди ихъ рисуется величественно домъ, бывший Графа Шпенбока. Пальба кончилась. Трубы съ юта Георгія направлены на балконъ Шпенбокова дома На корабль раздался свистокъ. Машросы спали по мѣстамъ у топковыхъ пушекъ. Вотъ *Ихъ Высочества* Великія Княжны на балконѣ Бѣлымъ плапочкомъ съ балкона сигналъ... У!.. вы вздрогнули вотъ еще выстрѣлъ, подъ вами съ нижняго борна Дымъ и пальба со всѣхъ кораблей Вы ослѣплены. Это предвкусіе морскаго ераженія..... Вы увлечены восторгомъ при мысли о порожесивенно-радостномъ днѣ. И вотъ сквозь дымъ — какъ чувства изъ глубины сердечной влѣтають въ воображеніе, чтобы разрисоваться въ немъ радужными сіяніями — сквозь дымъ влѣтають на верхи кораблей безчисленные разноцвѣтныя флаги. На морѣ тихо; небо покрывно разсѣянными облаками, какъ бы несмѣющимися собратъся въ пучки и солнце зазаститъ, и всѣ окрестности радостно играютъ въ веселящихся лучахъ его...

Но отблагодаримъ благосклоннаго хозяина и радушныхъ, привѣтливыхъ сподвижниковъ его за возвышенное наслажденіе, которое они доставили намъ, и опираясь опять на берегъ.

Изъ дома Гр. Шпенбока *Ихъ Высочества* изволили опираться въ Катериненцальскій

дворецъ. Лишь вошли Онъ во дворецъ, какъ раздалось въ саду близъ дворца гармоническое многогласное пѣніе:

Beglückter Tag, mit jubelndem Entzücken
Begrüßt dich jedes treue Herz;
Dank und Gebet entströmen allen Blicken
Und streben freudig himmelwärts.
Heil, Nicolai! Dein rastloser Blick
Gründet mit Segen des Reiches Glück.

O segne Gott, mit Deiner Vatergüte
Das hochgeliebte Kaiser - Paar!
Und jene zarte, holde Fürstenblüthe,
Die dieses Doppelfest gebär.
Segne den Kaiserlich blühenden Kranz,
Segne des Thrones geweihten Glanz.

Heil diesem Tag und Heil auch diesen Auen,
Die sich des hohen Glücks erfreun
Die vielgeliebten Fürstinnen zu schauen,
Die dieses Festes Feier weih'n.
Heil, Nicolai! von Liebe geschwellt
Huldiget Dir eine halbe Welt!

Ихъ Высочествами такъ понравилось пѣніе, что Онъ изволили приказать, повѣнорить оное.

Спихи сочинены извѣсною нащею спихомпорецею Ревельскою, сочинившею нѣсколько лѣтъ тому назадъ трагедію въ спихахъ: Der Becker. Музыка взята съ извѣстной Нѣмецкой пѣсни: Hoch vom Olymp herab, ward uns die Freude н. Многочисленный хоръ, соснавившійся изъ любимелницъ и любимелей музыки въ Ревель, былъ устроенъ Г Учителемъ пѣнія и музыки при Гимназіи, Тип. Сов. Гагеномъ.

Вотъ слабый и неполный очеркъ выра-
женія той радости, какою ликоваль Ревель въ
высокопороджественный день рожденія возлюб-
ленного Монарха-опца!

Ревельская Библиографія,

О новой Алтсбръ Г. Доктора Старшаго Учинителя Ревель-
ской Гимназии, Надв. Сов. Кунфера, въ семь мѣсяцъ оппечатапной,
будеть подробно сказано въ слѣд. книжкѣ. — Еще оппечатапъ
въ семь мѣсяцъ въ Ревель Французскій переводъ извѣстнаго ро-
мана А. Коцебу: *der unterirdische Gang* (Le Souterrain,) Г.
Рейшлингера.

Въ 4. кп. пошешняющая смыслъ оппечатка: на стр. 505,
снizu на 4. стр. должно чинать: природопытательныя.

Имена мѣстъ и особъ подписавшихся на Радугу до 30. Юня.

*Главный Педагогическій Институтъ въ С. Петербургѣ, Ри-
шельевскій Лицей въ Одессѣ, Демидовское Высшійе Науки
Училище въ Ярославѣ, Волыпскій Лицей въ Кременцѣ.
Гимназиі: въ Пркупскѣ, Тобольскѣ, Орлѣ, Полтавѣ, Хер-
сонѣ, Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскѣ, Винницѣ (Подольская
Гимн.) Екаперинославѣ, Курскѣ, Симтерополь и Кіевѣ.
Уѣздныя Училища: въ Новосилѣ, Костромѣ, Алексинѣ, Черни,
Сольвычетодскѣ, Порховѣ, Кемп, Мозырѣ, Гдовѣ, Ново-
ржевѣ, Краинитѣ, Осипровѣ, Красноярскѣ на Енисѣ, Вели-
кихъ Лукахѣ, Опочкѣ, Холмѣ, Кинешмѣ, Павлоградѣ, Хо-
пинѣ, Белгородѣ, Березовѣ и Аккерманѣ. —
Въ Рязани: Ея Вб. П. П. Дубовицкая.*

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 30. Juny 1882.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostse-Provinzen.

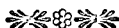
Regierungs-Rath Baron v. Rossillon,
Censor.

Содержаніе Радуги:

	Спр.
Духъ современной Германіи	395
Изъ переписки Пфизера. Письмо тринадцатое	424
6. Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:	
Нѣсколько спрокъ изъ Философіи Христіанской	434
7. Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:	
Обозрѣніе нравственпо-историческаго романа о кометахъ	438
8. Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:	
Мысли при чтеніи замѣчанія Менцеля о Философіи въ Германіи	452
О воспитаніи	458
Прощаніе умирающаго	476
Медвѣдь пещецъ	478
Изъ переписки Жан-Поля Рихтера съ Христіаномъ Ошпо	479
Его Сіятельству Генераль-Фельдмаршалу Графу Остенъ-Сакену. Въ день именинъ	481
Русскій переводъ повѣстей Гофмана	482
Запѣя Ришера во Франціи	486
Шведснборіане	488
Осколки отъ Философ. Мозанка Г. Простодумова:	
Новая Философія. Поцѣлуй	489
Метафизикъ	490
Крохи (Brocken) Гамака: Себялюбіе	490
Осѣдлость	491
Капли и Брызги дождя познанія: Торжествъ Истины	491
Вѣтеръ и Буря	491
Счастіе. Маленькая жена. Браки	492
Ошироша ума	493
О перчаткѣ брошенной Г. Академик. Велланскимъ	495

Содержаніе Отъ-Зейскихъ Записокъ:

	Спр.
Императоръ въ Ревель	87
Кораблекрушеніе	92
25 Іюня въ Ревель	95
Ревельская Библіографія	104

Журнала сего выходитъ ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 3хъ до 6ти и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревель 20, съ пересылкою во все города Россійской Имперіи 24 рубля асс. Для Училищъ цѣна 18 р. асс., съ перес; серебро считается по установленному курсу. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Изгородные благоволятъ адресоваться также на имя издавшаго Андр. Нв. Бюргера въ Ревель. —